

Антоний Фердинанд
Оссендовский

ЛЕНИН

DirectMEDIA

АНТОНИЙ ОССЕНДОВСКИЙ
Ленин

«Директ-Медиа»

1930

УДК 929
ББК 63.3(2)6-8

Оссендовский А. Ф.

Ленин / А. Ф. Оссендовский — «Директ-Медиа», 1930

В 1930 г. в Польше свет увидела книга Фердинанда Антония Оссендовского (1878–1945) «Ленин», затем она была переведена на множество языков и на английском вышла под названием «Ленин — вождь безбожных». В СССР упоминание этого произведения, а тем более знакомство с ним было верным гарантом лишения свободы и жизни. Эта книга — художественный биографический роман о жизни пролетарского вождя, основанный на скрупулезном изучении фактов обнаженной правды революционных лет. Автор родился в городе Витебске, учился в Санкт-Петербургском университете и в Сорбоне, преподавал в Томском университете, работал инженером в Сибири и на Дальнем Востоке, активно участвовал в революционном движении 1905 г. и всю жизнь писал. Его судьба напоминает захватывающий остросюжетный роман. Книга «Ленин» прочно и навсегда определила не только место Оссендовского в литературе, но и обозначила его гражданскую позицию — насилие автономично жизни, империя — автономична демократии, революция — автономична созиданию.

УДК 929
ББК 63.3(2)6-8

© Оссендовский А. Ф., 1930
© Директ-Медиа, 1930

Содержание

Изгнание из-за «Ленина»	5
Глава I	8
Глава II	19
Глава III	28
Глава IV	33
Глава V	43
Глава VI	53
Глава VII	59
Глава VIII	72
Глава IX	80
Глава X	86
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Антоний Оссендовский

Ленин

Изгнание из-за «Ленина»

Антоний Фердинанд Оссендовский (1878–1945) был обречен в ПНР на забвение. Судьбу автора разделили его книги, переведенные почти на 30 языков, включая урду и японский, более 120 томов прозы, охватывающей ряд произведений не всегда самого высокого полета, а также труды, которые должны были войти в сокровищницу национальной культуры: репортажи путешествий и рассказы, адресованные самым молодым читателям.

Писатель умер в госпитале в Гродзиску, недалеко от Варшавы, за несколько месяцев до окончания второй мировой войны. Он был горячим патриотом, связанным с движением сопротивления в оккупированной Польше. Имя его, в свое время известное во всем мире, сегодня еще не полностью забыто, хотя и в 50-х годах изъятые из библиотек книги Оссендовского пропали.

Оссендовский все-таки написал «Ленина».

То, что факт этот имел место в конце 20-х годов, ничего не менял. О враге Октябрьской революции общественность «Привислинского края» раз и навсегда должна была забыть. Оссендовский в буквальном смысле в последние минуты жизни избежал карающей руки народного правосудия. Старичок-могильщик с кладбища в Милянувке, живший еще до недавнего времени, вспоминал, как НКВД в 1945 г. тут же по приходу Красной Армии приказало ему достать гроб из могилы, чтобы приведенный насильно дантист смог подтвердить, что действительно покойник был тем, о ком шла речь.

Товарищи из НКВД хорошо знали, что делают. Хотя и понятие “brain washing” сделало карьеру в наше время, большевистской пропаганде весьма эффективно удалось сфабриковать образ Ленина как благородного вождя революции, кристального идеалиста с чистыми руками и кротким сердцем. Уверовала в это значительная часть интеллигенции, студенческой молодежи и разных наивных прекраснотушных идеалистов из западной Европы и Нового Света. Ба, там есть даже такие, которые верят в это до сегодняшнего дня.

Когда молодое, возникшее из пепла Государство Польское отражало большевистское нашествие, и под Радзимином и Вышковом происходила битва, считаемая многими историками за одну из решительных в истории современного мира, рабочие Франции, Англии, США и Германии отказывались грузить оружие, которое могло быть использовано против агрессивной Красной Армии.

На призыв Ленина пролетарии всех стран объединялись, выражая солидарность первому в истории Государству пролетариата. Государству, которое, облекая в реальную форму кошмарную утопию своего творца, руководимое «ленинской партией нового типа», будет довершать не встречаемый во всеобщей истории масштаб геноцида собственных граждан и сделает Павку Морозова, мерзавца, который выдал своего отца, личным примером молодых поколений будущих коммунистов, примером, который будет иметь силу до конца существования Советского Союза.

Необычайно убедительный образ гения классовой ненависти, главного героя книги Оссендовского, надолго оставался в памяти каждого читателя. Следовательно, трудно переоценить, какую огромную ценность имел изображенный пером очевидца и проницательного наблюдателя образ российской революции.

Книга «Ленин» сделала карьеру на обоих полушариях и сыграла значительную роль в просвещении целого мира, кто и как «делал» Октябрьскую революцию. Оссендовский был

одним из первых, кто осмелился ударить в миф, в символ, в легенду, в кумира, в идола миллионов одуревших от голода и нищеты бедняков целого мира. Даже Солженицын не позволил себе такого иконоборства.

Антоний Фердинанд Оссендовский в первых годах XX века учился вместе с Марией Складовской в Парижской Сорбонне. Когда после отбытия срока наказания за участие в революционной деятельности в 1895 г. на Дальнем Востоке и в завоеванной Царской Россией Манчжурии он не мог найти работу, то начал зарабатывать на жизнь как журналист. Одновременно все большие успехи завоевывал на литературном поприще. В Петербурге его первые книги появились в конце XIX века.

После вспышки революции – уклоняясь от смертельной опасности, какую принесло ему довольно серьезное принятие участия в конспиративной деятельности и впутывание в аферу с передачей офицеру американской разведки Эдгару Сиссону папки с корреспонденцией, которую вели главные руководители партии большевиков с Германским Генеральным Штабом – прорываясь на Восток, в Омске, а позже в Томске, он преподавал химию и экономику в вузах. Был приглашен в круг технических экспертов при штабе адмирала Колчака.

Случайно обнаруженные в Институте Юзефа Пилсудского микрофильмированные рапорты Оссендовского, написанные уже по приезде в США в начале 20-х годов, являются доводом, что он был также связан с контрразведкой «белых». Разрабатывал методы и направления воздействия большевистской пропаганды в странах Азии. Считал – как и огромное большинство находящихся в Сибири и на Дальнем Востоке поляков, – что его долгом является максимально вредить врагам, которые в это самое время пытались нанести смертельный удар Варшаве. У политических противников приобрел со временем прозвище Польского Лоуренса.

После поражения Колчака через дикие степи Урянхайского края и безлюдные горы Улан-тайга пробирается он в Монголию. Не исключено, что был он тайным эмиссаром «белых», пытающихся скоординировать общее выступление против большевиков, войск разных атаманов и генералов, бродящих в пограничном Синкянге, Монголии или в Забайкалье. Среди них исключительного размера индивидуальностью был происходящий из рода балтийский баронов мистик, буддист, генерал и хан монгольский Роман фон Унгерн-Штернберг. Он вошел в историю как тот, который строил планы федерации под своим руководством народов Азии, чтобы с их помощью «уничтожить покрывшую Европу красную заразу».

Изобилующая необычайно драматическими эпизодами повесть о верховом путешествии через Центральную Азию возникла при сотрудничестве с американским издателем и переводчиком Левисом Стантоном Паленом, «Звери, люди и боги», и была опубликована в Нью-Йорке в 1922 г. Польское издание бестселлера появилось несколько позднее под заглавием «Через край людей, зверей и богов»¹. В течение нескольких лет был завершён перевод этой книги на 17 языков. Успех, который до Оссендовского был уделом только одного польского автора – Генрика Сенкевича.

Писатель работает необычайно интенсивно, сочиняя и издавая в следующие годы по пять, шесть книг ежегодно. Одновременно он путешествует, охотится, приобретает опыт в вопросах большой политики, проводит личные встречи с читателями в возрожденной Польше и во всем мире. На тему его популярности возникает множество шуток и анекдотов.

Ни одна из нескольких десятков написанных позднее книг не принесла ему такой мировой популярности, как “Beasts, Men and Gods”. Ни одна, за исключением «Ленина». Ее почти в то же время перевели на большинство европейских языков, печатали в больших фрагментах на страницах самых серьезных журналов, читали по радио. 21 января 1932 г. «Ленин», в результате вмешательства Советского посольства, был запрещен на территории всей Италии вместе с книгой Горького «Ленин и крестьянин российский». Следует вспомнить, что это была Италия Муссолини. Папа, однако, поблагодарил сердечно за полученный экземпляр. В кругах польских критиков прием нового бестселлера Оссендовского был скорее холодным, несмотря

на то, что эта книга была удостоена ежегодной награды Товарищества Литераторов и Журналистов за 1933 г., а заграничные рецензенты сравнивали его произведения с творениями Киплинга, Метерлинка и даже Конрада.

Антоний Фердинанд Оссендовский провел необычайно красочную и интересную жизнь. Был автором пьесы, в которой Людвик Сольский – одетый в монгольский шелковый злат со свастикой на груди – играл роль барона Унгерна. Был создателем сценариев первых польских экзотических фильмов, опытным охотником и путешественником, автором многих научных работ и преподавателем вузов. Он был человеком, который умел завоевывать популярность и деньги, бороться и противостоять превратностям судьбы. Он возбуждал споры, имел много врагов, но всегда на первое место ставил интересы родной страны, пропаганду польского имени и польской культуры за границей. Изгнания и лишения чести не заслужил ни он, ни его книги.

*С полной уверенностью,
Витольд Ст. Михаловский*

Глава I

Маленький Владимир Ульянов сидел тихо и из-под сморщенных бровей зорко следил за каждым движением матери. Мария Александровна, немного побледневшая и мрачная, помогала служанке Нине накрывать на стол. Была суббота – день, в который к Ульяновым приходили знакомые отца. Мария Александровна не любила этих собраний; старший брат, услышавши о них, убегал из дому, бурча:

– К черту, к черту с этими пещерными людьми!

Сестры, шепчущиеся в гостиной, смеялись потихоньку, а Володя с нетерпением ожидал гостей. Наконец, в комнате появился отец. Седой, плечистый, с темными раскосыми глазами, такими, какие были у младшего сына. С гордостью носил он темно-синий сюртук с золотыми пуговицами и Крестом Святого Станислава на бело-красной ленте, что придавало ему выражение торжественности и значительности. Он сел в кресло, пододвинул маленький столик и поставил шахматы, готовясь к партияке с доктором Титовым.

Доктор всегда приводил маленького Володю в изумление. Мальчик хотел бы посмотреть, как он плавает. Не сомневался, что доктор мог бы стоять на самой большой глубине, как поплавок его удочки на реке. Такой он был толстый и круглый, этот доктор Титов.

Отец не отзывался на зов Марии Александровны, зная ее нелюбовь к его гостям; не хотел испортить себе игру размолвкой с женой.

Однако госпожа Ульянова сама начала разговор.

– Мой дорогой, – произнесла она, – уже хотя бы один раз оставил в покое себя и меня с этими гостями. Что для тебя хорошего, если появится старый пьяница, приходской священник, отец Макарий, в зеленой камлотовой² сутане, доктор Титов и инспектор народных школ Петр Петрович Шустов? Господу Богу свечку и дьяволу огарок... кочерга, по правде говоря!

Отец зашевелился беспокойно и начал вытирать красным платком вспотевшее лицо, бормоча: – Живем мы издавна в дружбе... впрочем, все они имеют широкие связи, могут, следовательно, пригодиться в жизни, оказать помощь, шепнуть обо мне доброе слово кому-то из сильных этого мира.

Илья Ульянов, отец Владимира Ульянова.

Фотография. XIX век

– Ох! – вздохнула жена. – Что до этого доброго слова, то напоминаешь ты мне Ляпкина-Тяпкина из ««Ревизора» Гоголя. Тот тоже весьма об этом беспокоился и просил, чтобы ревизор по возвращению в Петербург рассказал министру, что в таком-то и таком-то месте пребывает Ляпкин-Тяпкин!

Она засмеялась глухо и недоброжелательно.

– Маша, ну и сравнение... – произнес он с упреком.

– Совершенно это самое! – воскликнула госпожа Ульянова. – Ты смешон! Почему не пригласишь к себе людей светлых, молодых, думающих? Например, врача Дохтурова, учителя Нилова или этого удивительного монаха-казначая, брата Алексея? Встречала я их у госпожи Власовой, это очень разумные и приветливые люди!

– Боже упаси! – прошипел ужасным голосом господин Ульянов, размахивая руками. – Это опасные типы, какие-то там... деятели.

– Деятели? – спросила Мария Александровна. – Что это значит?

– Что-то плохое! – парировал он шепотом. Предупреждал меня о них начальник полиции. Да, забыл тебе сказать, Маша, что и он сегодня нас навестит...

– Этого только не хватало! – воскликнула она с негодованием, хлопнув в ладоши. – Не услышим сегодня ни одного путного слова.

Присутствие полицейского, да еще такого рьяного, всем закроет рот.

Мария Ульянова, мать Владимира Ульянова. Фотография. XIX век

Муж молчал и вытирал вспотевший лоб, тяжело вздыхал.

– Маленький человек, как я, должен иметь сильных приятелей, – сказал он очень тихо. Мария Александровна махнула рукой и пошла в столовую.

В восемь вечера, весьма пунктуально, один за другим прибыли гости.

Скоро все сидели в гостиной, ведя оживленную беседу. Володя не спускал глаз с двух фигур. Он улыбался украдкой и толкал сестру Сашу, показывая взглядом на доктора. Округлая голова, лысая и совсем красная, с чрезмерно выпученными глазами светлыми, почти белыми – снизу заканчивалась тремя подбородками, переливающимися как густая замазка на белых складках манишки рубашки; шаровидная голова опиралась на округлую, подобную огромному мячу фигуру, но с таким возбуждающим боязнь неравновесием, что, казалось, должна была скатиться с нее при более сильном движении. Короткие толстенькие ножки свисали с достаточно высокого канапе, едва касаясь пола.

– Яблоко на арбузе... – шепнул Володя сестре, щуря глаза. Саша легко ущипнула его плечо и тихо пискнула, зажавши рукой уста.

Мальчик перенес взгляд на нового гостя. Был это комиссар полиции – коллежский советник Богатов. Об этом человеке по всему городу ходили легенды.

Был он грозой для всякого рода злоумышленников. Плечистый, худой, имел лицо, обрамленное красивыми бакенбардами; длинные, молодежато закрученные вверх усы концами доставали прищуренных хитрых глаз. Сидел он, развалившись в кресле, и поминутно поправлял саблю и висящий на шее орден. Длинные лакированные ботинки блестели, а их шпоры тихо позванивали. Володя не мог на него насмотреться. Нравилась ему сила, бьющая из мускулистой фигуры Богатова, и уверенность в себе, хлещущая из каждого слова, с самого маленького блеска наглых глаз. Одновременно в глубине маленького сердца мальчика тлела неизвестная враждебность, почти ненависть, желание доставить неприятность, боль, стыд этому сильному уверенному в себе человеку.

Комиссар, покуривая толстую папиросу, рассказывал. Все слушали, склонившись с улыбкой подобострастного восторга. Господин Ульянов сидел выпрямившись, обращенный во внимание, стараясь не пропустить ни одного слова. У него была привычка слушать внимательно – старый учительский навык. Это искусство унаследовал младший сын – обычно немногословный, собранный, внимательно смотрящий и слушающий.

Доктор Титов, склонив голову набок, напрасно пытался повернуть свое тяжелое тело в сторону говорящего.

Инспектор Шустов покрикивал тихо и подсказывал в кресле.

Отец Макарий поднимал глаза к небу, одной рукой – белой и пухлой – гладил длинную бороду, а другой прижимал к груди висящий на золотой цепочке тяжелый серебряный крест с голубой эмалью и светящимися камешками в венце на голове Христа.

– Мои господа, прошу только выслушать меня! – обратился выразительным басистым голосом комиссар Богатов. – Крестьяне, которым уважаемый, ценимый во всей губернии господин Аксаков, принадлежащий к древнейшему дворянству, не дал взаймы на восстановление сгоревшей деревни, напали на усадьбу. Ответили им там выстрелами. Двух крестьян убили, трех ранили, остальные разбежались, ничего не добившись. За мной послали батрака верхом. Я прибыл немедленно. Принюхался тут и там. В течение часа обнаружил раненых и приказал препроводить их ко мне. Спрашиваю о подробностях, об участниках нападения. Молчат... А, стало быть, все так, братишки?! Стукнул одного, другого, третьего в ухо, в зубы, в нос; залились крестьяне кровью, но и выболтали правду! Губернатор наш не любит шуму, тревожных донесений в Петербург, так как это сразу долгая переписка, следствие, авантюра! Позвал меня и сказал: «Семен Семенович, накажи бунтовщиков так, чтобы раз и навсегда пропала у них охота походов на старое дворянство!». Взял я тогда несколько своих полицейских и отмерил справедливость в согласии с собственной совестью. Те, которые совершили нападение, получили по сто розг, а для устрашения вся деревня, даже бабы, по двадцать пять. Теперь тишь и покой, как маком засеял! Розги для нашего доброго крестьянина – это превосходная вещь, наилучшее лекарство. Ха, ха, ха!

– Очень справедливо, очень справедливо! – согласился доктор – Средство наподобие медицинских банок. Оттягивает кровь из головы и сердца.

– Мягкое отцовское наказание! – напевным голосом вторил ему отец Макарий, лаская обеими руками крест. – Народ наш – это дети, стало быть, как детей нужно его наказывать...

– Гм... лучше это, чем суд, тюрьма, Сибирь... – добавил инспектор, глядя на Ульянова.

Мария Александровна строго взглянула на мужа и стиснула руки. Сконфуженный, оглянулся он беспомощно и, откашлявшись, обратился к дочке:

– Саша! – вымолвил он. – Поторопи кухарку. Дорогие гости, наверное, голодны.

Мария Александровна, кивнувши детям, вышла из гостиной. Господа непринужденно беседовали дальше, рассказывая разные городские сплетни и чиновничьи новости. Наконец, хозяин предложил игру в карты и в шахматы. Богатов, отец Макарий и инспектор начали играть в штос, Ульянов с доктором схватились, ожесточенно передвигая шахматные фигуры.

По приглашению Марии Александровны все прошли в столовую. Гости обильно выпили, вливая в горло огромные рюмки водки и закусывая селедкой, солеными огурцами и маринованными грибами.

– Да, умеете выпить, отец Макарий! – смеялся инспектор, с восторгом смотря на священника, наливающего себе довольно большой стакан водки.

– С Божьей помощью, еще могу, – смеялся тенорком отец Макарий. – Невелико искусство! Чтобы только хозяева пригласили к столу, дали водки, а горло всегда приношу с собой... на всякий случай!

– Что же Ваше преподобие не перешли тогда на бас, а продолжаете тенором... – удивился доктор.

– Эх! – махнул рукой священник. – Все-таки я не диакон.

– А какая разница? – спросил Ульянов, немного уже навеселе.

– Очень простая, – засмеялся поп. – Диакон, когда выпьет, хрюкает и мычит: ааа! Я же после выпивки пишу на наивысшей ноте: иии!

Все начали смеяться, а отец Макарий налил себе еще одну рюмку, выпил, задрал высоко голову и пискнул:

– Иии! О да!

Снова раздался веселый смех веселого общества.

Госпожа Ульянова накормила детей и положила их спать. Сидела молчаливая и угрюмая, принимая приветливое выражение лица, когда обращали на нее внимание. Скоро, однако, подвыпившая компания о ней забыла. Заметивши это, она исчезла из комнаты.

Володя не пошел во флигель, где он жил со старшим братом. Возвратился тайком и спрятался в гостиной, издали наблюдая за пирующими.

– Много ли можете выпить, отец Макарий? – спрашивал попа Ульянов, хлопая его по плечу.

– До бесконечности плюс еще одну рюмочку! – парировал поп, поднимая глаза как для молитвы.

– Ваше преподобие, согласно выражению Кузьмы Пруткова, может охватить неохватываемое... – заметил со смехом инспектор.

– Воистину, Петр Петрович! – ответил тут же отец Макарий. – Потому что сказано у Экклезиаста, сына Давидова, царя Иерусалимского: «Ешь хлеб свой с весельем, и пей вино свое с радостью, так как поступки твои Богу угодны!».

Володя задумался над этими словами. Мать учила его молиться и водила в церковь. Люди молились перед красивыми позолоченными иконами; у одних были растроганные, прояснившиеся лица, другие плакали и вздыхали.

Существо, имеющее такое возвышенное, трогательное имя – Бог – должно быть изумительным, прекрасным, могущественным, сияющим; не может быть оно подобным ни отцу, доктору, коллежскому советнику с орденом на шее; ни священнику в зеленой сутане, с красивым крестом на груди; ни даже маме, которая ведь все-таки временами гневается и кричит на сестер и служанку совершенно так, как это делает сам Володя во время ссоры с братьями и сестрами... Великое существо не может поступать таким образом, и между тем, сам отец Макарий сказал, что Бог одобряет веселье при приеме пищи и питии вина, на что так часто жалуется мать, с отчаянием или гневом глядя на отца.

Семья Ульяновых. Фотография. XIX век

Опечалило это мальчика. Бог представился ему менее страшным и менее любимым, совершенно обычным, лишенным тайны.

– Может, похож он на отца Макария или на епископа Леонтия? – спросил он самого себя. Его передернула эта мысль, и начал он прислушиваться к разговорам гостей.

Опершись локтями о стол и качая головой, инспектор Шустов говорил:

– Часто объезжаю далекие деревни, где мы закладываем народные школы. Собираю интересные, весьма забавные материалы по просьбе моего коллеги из семинарии. Может, господа, помните горбуна Сурова? Он закончил академию и теперь является профессором универси-

тета в Москве. Го, го! Большой ученый – не шучу! Лично знаком с министром просвещения! Книжки печатает. Я должен выполнить его просьбу, так как это именуется протекцией! Я отыскал для него материалы, такие, что пальчики оближешь! Знаете, что в двух деревнях я обнаружил язычество? Да, да, язычество! Официально они являются православными; когда приказывают власти, едут они за пятьдесят верст⁴ в церковь, поклоны бьют, аж гудит, а дома прячут «старых богов», перед которыми ставят мисочки с жертвами – молоком, солью, мукой. Ха, ха, ха!

– И где вы это видели, Петр Петрович? – спросили одновременно отец Макарий и комиссар полиции.

– Это деревни Бейзык и Луговая, – поведал инспектор.

– Должен завтра донести об этом епископу, – произнес поп. – Нужно направить туда миссионеров, обучить, предостеречь, переубедить, укрепить в настоящей православной вере!

– Делайте это им, а я пошлю туда своих верховых полицейских, они там переубедят и наново окрестят идолопоклонников нагайками¹! – воскликнул со смехом Богатов. – Дикий еще наш народ, ой, дикий, господа!

– Поэтому устраиваем школы народные, – отозвался Ульянов, попивая пиво. – Образованность быстро идет в гору. Уже не найдете теперь деревни, где не было кого-то, умеющего читать и мало-мальски писать.

– Это хорошо! – похвалил отец Макарий. – Можно будет дать им хорошие книги о пользе Церкви, об уважении к особам духовным, о долге сыновнем в отношении батюшки-царя и счастливо господствующего над нами императорского дома...

– О том, как живут цивилизованный народы на Западе, – вставил Ульянов.

– Это излишне! – отмахнулся Богатов. – Не поймут, впрочем, ни к чему это, и даже может стать опасным, так как пробуждает безответственные мечты, дух недовольства, протеста, бунта. Припомните себе, господа, что преступные революционеры совершили покушение на драгоценную жизнь такого святого, доброго к крестьянам монарха, каким был царь Александр II. Находился я тогда в Петербурге и видел, как раскачивались на виселице Желябов, Перовская и другие убийцы. Душа радовалась, что настигла их рука Божья!

– Рука Божья? – шепнул Володя. – Это Бог вешает людей?

Бог снова отдалился. Не был он уже близким, понятным, хорошим. Не вернулся, однако, на небо, в таинственную синеву, затканную золотом солнца, серебром луны и бриллиантами звезд, как рассказывает детям старая нянька Марта. Удалился, но в какой-то другой мир, мрачный, враждебный, ненавистный.

Бог... вино... виселица – все перевернулось вверх ногами в голове мальчика. Слезы давили ему на глаза. Сердце колотилось в груди. Чувствовал он жгучую печаль, грусть о чем-то, что внезапно утратил. Ненавидел он комиссара Богатова, ненавидел Бога.

Один бил в ухо крестьян, которые прямо-таки заливались кровью, другой собственной рукой вздергивал их на виселице. Комиссар бил крестьян за то, что хотели наказать безжалостного богача; революционеры убили царя... За что? С твердым убеждением, что он тоже был недобрым.

В это время отец, испуганный наганом Богатова, оправдывался:

– Хочу сказать, что можем дать крестьянам примеры: обработки земли, выращивания скота, применяемые на Западе.

– А-а! это можно, – согласился комиссар полиции. – Должны, однако, прежде всего, прибегая к силе власти, Церкви, школы, должны удерживать наш народ в повиновении дисциплине, верноподданству царю, в спокойствии и смирении. Иначе нельзя!

– Без сомнения, так как в противном случае появится новый Разин, Пугачев, самозванные вожди народа, ведущие к бунту! – со смехом воскликнул доктор. – А когда наш темный муравейник зашевелится, вот это был бы танец! Со всех нор вылезли бы дьяволы, ведьмы, бесы,

вурдалаки и помчались бы перед нашими Иванами, Степанами и Василиями! А те, спокойные, добрые, богобоязненные крестьяне, шли бы с грозным уханием, размахивая ножами, топорами и дубинами, пуская кровь всем встреченным на дороге, надо или не надо! Ради удовольствия увидеть горячую кровь, для убеждения, в конце концов, имеет ли, например, отец Макарий в брюхе красные или голубые внутренности. Га! Возник бы тогда великий грохот и шум, а зарево охватило бы всю святую Русь! Знаю я наш народец! Недалеко отошел от добрых времен татарской неволи. Татары гуляли, прямо-таки земля дрожала, но это пустяк по сравнению с тем, как погуляли бы наши православные Иваны, Алексеи и Кондраты. Уф! Аж мурашки бегают от этих мыслей!

Все задумались, с беспокойством оглядываясь на себя, хотя на столе уже стояла батарея опорожненных бутылок.

– Ой, да, да, доктор, святая правда! – прервал молчание комиссар полиции. – Был бы это танец такой, что пыль поднялась бы до самого неба! Сообщу я вам кое-что об этом.

Все уселись удобней и закурили папиросы. Ульянов подлил пива.

– У Волги, около Самары в прошлом году кочевал табор цыганский. Хищное это, несправедливое племя! Известно, что где цыгане, там воровство. Пропадает добродетель девок деревенских, теряются кони, ха, ха, ха!

– Одну потерю не исправишь, другую еще можно отразить! – заметил, глядя на свой прекрасный крест, отец Макарий.

– То-то и есть! – покачал головой Богатов. – Так и произошло. Какой-то молодец цыганский хаживал по соседней деревне, высмотрел себе красавицу, ну и спал с ней в осеннюю ночь на мягком сене. Не только, однако, на любовь тратил время! Высматривал, что и где, у кого из крестьян можно бы урвать. Цыгане похитили три наилучших коня, удрали на другой берег, продали добычу татарам и исчезли в степях, как стая волков. Крестьяне долго искали украденных лошадей и узнали, что они у татар.

Александр Ульянов, старший брат Владимира Ульянова.

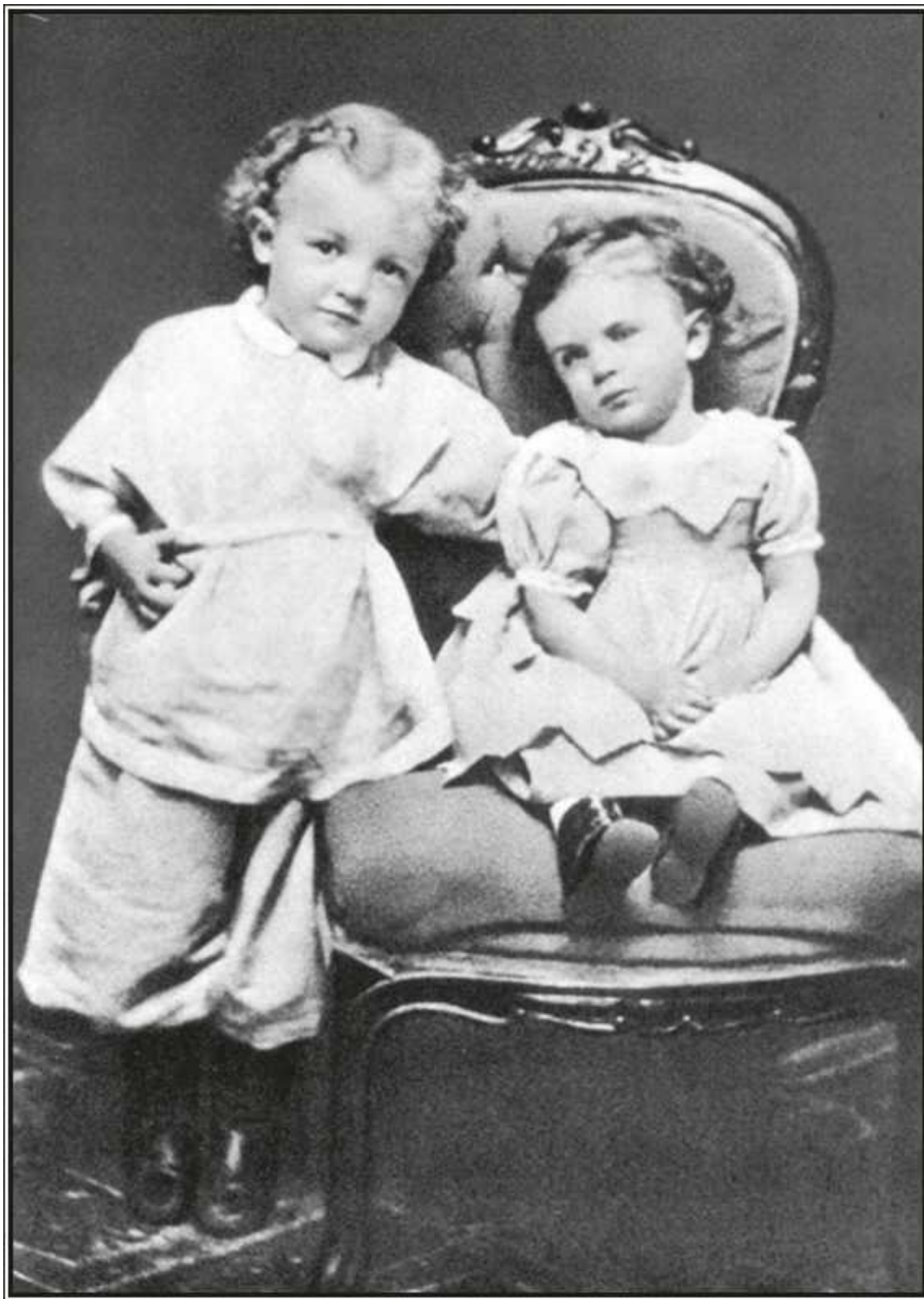
Фотография. XIX век

Шептались о чем-то, советовались со своим попом и одной ночью совершили нападение. Забили до смерти дубинами и зарубили топорами восемь татар и отобрали коней. Авантюра, жалобы, шум, суд! Пять из них пошло на каторгу⁵...

Годом позже табор кочевал поблизости и молодой цыган пожаловал к брошенной возлюбленной. Схватили его. Началось представление, настоящий спектакль! Ой, что это было! Девку обвиняли в том, что она ведьма, потому что одна из пожилых крестьянок собственными глазами видела, как красавица летала на метле! Привязали девушке на шею старый мельничный камень и бросили ее туда, где на Волге образуется водоворот. Исчезла, как щенок... С цыганом позабавились по-другому. Связали ему руки ремнем, намазали его медом и повесили в лесу над муравейником так, что касался он его ступнями. Вся деревня в течение трех дней и ночей ходила смотреть, как конокрада живьем пожирала муравьи! Двух крестьян приговорили позже на три года каторжных работ.

– Тяжелое, слишком тяжелое наказание! – воскликнул отец Макарий. – За что? За какого-то цыгана-язычника и нескольких татар? Сам Бог радовался с твердым убеждением, что идолопоклонников отправили в ад!

– Бог, снова Бог... – простонал Володя.

Володя Ульянов в возрасте 4 лет со своей сестрой Ольгой. Фотография. XIX век

Имя это острием пронзило мозг и сердце мальчика. Плача, выбрался он из гостиной. Вернувшись во флигель, упал он лицом на кровать и долго, долго рыдал, тяжело, безнадежно.

Разбудил его брат, вернувшийся домой за полночь. Задумался, заметивши заплаканное лицо мальчика.

– Что с тобой произошло? – спросил он. – Плакал? Уснул в одежде.

Горячие слезы полились из глаз Владимира. Срывающимся голосом, стоная и всхлипывая, рассказал он все и, сжимая кулаки, шепнул:

– Бог злой, злой!

Старший брат взглянул на него внимательно, подумал мгновение и произнес тихо, но отчетливо:

– Бога нет...

Мальчик закачался как пьяный, крикнул пронзительно и упал, лишившись чувств.

Глава II

Близился конец весны. Волга сбросила с себя ледяные кандалы. Проплыли уже первые пассажирские пароходы. На реке все чаще появлялись плывущие по течению плоты. Пролетели, стремясь на север, последние стаи диких гусей и уток. Володя принес из гимназии аттестат, в котором были одни пятерки и решение педагогического совета, назвавшего его самым лучшим учеником второго класса.

Отец погладил мальчика по лицу, мать расцеловала в лоб и произнесла:

– Ты моя радость и гордость!

Он спокойно и равнодушно принимал эти похвалы.

Не понимал даже, за что ему выпала такая доля. Учился старательно, так как хотел побыстрее вобрать в себя знания. Давались они ему с легкостью; особенно любил он латинский язык и самостоятельно пытался читать Цицерона, копаясь в толстом словаре Шульца или прося брата Александра о помощи. Несмотря на все эти занятия, оставалось у него в достатке свободного времени. Читал много, увлекаясь Пушкиным, Лермонтовым, Некрасовым; перелистал даже два раза «Войну и мир» Толстого и просто проглотил бесчисленное число книжек. Делил он их обычно на две категории: женские или сентиментальные, бессмысленные, после которых не оставалось ничего, кроме красивого звучания слов, и настоящие – где находил мысли, глубоко западающие в сердце и мозг.

Читать начал недавно. Раньше мешал ему каток. Он любил быстрое движение и постоянное владение своими мышцами для сохранения равновесия. Сделав уроки, бежал он на реку. Возвращался усталый и сонный. О чтении не было и речи – ложился на кровать и спал как убитый.

Только в последнюю зиму понял, что коньки отбирают у него много дорогого времени и делают невозможным его применение с пользой. Колебался недолго. Стиснув зубы, пошел к товарищу Крылову и сторговался с ним. Отдал ему хорошие американские коньки, домой же принес четыре переплетенных томика Тургенева.

Володя был самым лучшим учеником; самым прилежным, самым способным и воспитанным мальчиком. Не мешало ему это, однако, радоваться начинающимся каникулам. Семья Ульяновых летом жила в своем доме в небольшой деревеньке Кокушкино, расположенной среди лесов, недалеко от реки. Был это созданный в мечтах рай для маленького Владимира. Крестьяне окружали их всех дружбой, особенно же любили Марию Александровну, которая бесплатно лечила крестьян, заглядывая в медицинский справочник и раздавая травы и микстуры, привезенные из города. Была она известна среди окружающего населения как прекрасный врач.

Дом Ульяновых в Симбирске. Фотография. XIX век

Мальчик также имел много приятелей в деревне. Подвижный, жаждущий приключений и смелый, собрал он многочисленную ватагу мальчишек, которым он внушал уважение находчивостью и силой. Они очень любили его, так как не чувствовали в нем «барчонка», который относился к ним только снисходительно; не пытался он поучать их или высмеивать. Володя, обычно недоверчивый и порой резкий, по мнению гимназических товарищей, здесь чувствовал себя в своей стихии. Был равным среди равных.

Порой возвращался домой с подбитым глазом. Когда Мария Александровна делала ему горькие упреки, он отвечал со спокойной улыбкой, всматриваясь в любимое материнское лицо:

– Это ничего, мамочка! Играли мы в казаков и разбойников. Досталось мне кулаков в глаз от рыжего Ваньки, но я ему тоже набил порядочную шишку. Не хотел сдаваться и боролся один против пяти, пока не прибежали мои разбойники...

Теперь, после получения аттестата и окончания школьного года, все эти привлекательные стороны ожидали Володю. Старший брат остался в городе, сестры Александра и Ольга были приглашены к тетке, стало быть, ехал он только с родителями.

Прибывши в деревню, Володя тотчас же выбрался из дома. Родители распаковывали чемоданы и корзины. Мальчик побежал в лес.

Солнце уже заходило. Деревья, покрытые свежими пахучими листьями, роняли последние цветы и семена. Яркая зеленая трава, белые, желтые и голубые весенние цветы источали аромат. Сильный запах еще влажной земли наполнял воздух. Летали бабочки, блестящие мухи, гудящие жуки и проворные стрекозы. На верхушках сосен мелькали белки. Птицы порхали вокруг, щебеча, свистя и гоняясь за насекомыми.

Мальчик застыл в восхищении. Его приветствовал лес, травы, насекомые и птицы. Все вокруг представлялось ему прекрасным, безмерно счастливым, вечным.

Помимо воли он сорвал шапку и погрузил взгляд в бескрайнюю голубизну погожего неба.

– Бог! Великий, добрый Бог! – воскликнул он с признательностью и умилением.

Звучание этого слово напомнило ему отца Макария и коллежского советника Богатова. Скривился болезненно, сощурил зло глаза и обратно нахлобучил шапку на голову.

Пошел через лес, путаясь в ползущих через тропинку корнях деревьев, и вышел на высокий берег реки. Заросший кустами дикой малины и калины, заканчивался он почти отвесным обрывом. Ниже, невидимые из-за чащи, звенели и журчали выбегающие на узкую песчаную кромку волны. Река – разлившаяся широко прямо до квадратов полей, тянущихся от низкого песчаного берега, от желтых отмелей, хорошо знакомых мальчишкам, а теперь скрытых под водой, – плыла спокойно и величаво. Словно легкие одежды ангелов и архангелов, красиво нарисованных на потолке купола кафедрального собора – тянулась бледно-голубая, розовая, золотистая, зеленоватая лента реки. Хотел он броситься в ее цветистые ласковые струи и плыть, плыть далеко, к солнцу, которое разбрызгивает пурпур и золото, призывает и тянет к себе.

Маленький Владимир снова обнажил голову и стоял в невыразимом восторге – недвижимый, замороженный, безотчетно втягивая всей силой легких свежее дуновение, залетающее от Волги.

Из-за выступающего утеса, где пенились и крутились верткие струи, выплыл большой плот. Люди, сжимая длинные багры, вбивали их окованные железом концы в дно и толкали сотни толстых сосновых и буковых бревен, связанных лыком. Посредине плота стоял шалаш из коры и зеленых веток, а перед ним на каменной плите горел маленький костер. Толстый, бородатый купец сидел перед огнем и пил чай, наливая его из кружки на блюдце. Время от времени покрикивал он поощрительно:

– Гей, гей! Сильней, быстрее, крепче! Ну, запевайте, ребята, работа легче пойдет! Ну! Согнувшиеся над баграми работники начали бурчать угрюмыми голосами:

Эй, дубинушка, ухнем!
Эй, зеленая, сама пойдет!
Эй, ухнем! Эй, ухнем!

Неохотные слабые голоса оживлялись понемногу, набирали более громкого, более смелого тона и ритма. Стоящий у длинного весла рулевым молодой работник запел вдруг звучным высоким тенором разбойничью песню:

*Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выплывают расписные
Сеньки Разина челны.*

Хор сторбленных фигур, топающих босыми ногами на подвижных, мокрых бревнах, поднял мелодию слаженным хором:

*Выплывают расписные
Стеньки Разина челны!*

Крутой берег отбил слова песни; они покатались над рекой, свалились в низину, начинающуюся квадратами полей и покрытую зеленью бесконечных лугов.

Плот внезапно зацепился за подводный камень и начал стремительно поворачиваться, подхваченный течением, на глубину. Раздался крик, умолкла песня, громче и чаще топали ноги, сильнее впивались опоры длинных шестов в усталые плечи работающих людей, плескалась вода, скрипел руль, трещала обвязка бревен.

Еще не исчезло далекое эхо песни, еще дрожало в воздухе последнее слово «челны», когда сидящий у шалаша купец сорвался с места и подбежал к рулевому. Замахнулся широко и ударил борющегося с течением человека в лицо, крича яростным хрипящим голосом:

– Собачий сын! Чтоб ты пропал... к чертям рогатым! Вы, негодяи, нищие, подлые, подонки, тюремная падаль! Чтоб вас холера взяла! Чтобы...

Бегал, бросал проклятья, бил, толкал, угрожал, выкрикивал злые, гнилые, похабные слова. Высокий берег повторял все и отражал каждое слово, как мяч; летело это над рекой и падало там, где умерли минуту назад строфы песни о главаре разбойников, Разине, защитнике угнетенного народа.

Река внезапно стала бесцветной, серой и покрытой рябью, как лицо старика; погасло небо, с которого улетели ангелы и архангелы в изумрудных, розовых, голубых, золотистых и зеленых, как вода, одеждах. Володя снова натянул шапку поглубже и, вложив руки в карманы брюк, задумчивый и мрачный, возвратился домой. Радость умерла в его сердце. Уже нигде не замечал он бесконечной, бессмертной веселости.

Все миновало, улетело без следа, без эха. Мальчик оглянулся вокруг и шепнул:

– Мама говорит и священник учит, что Бог милосердный и вечный... Почему тогда люди, собаки, птицы умирают? Почему исчезает тишина, полная света и радости? Почему обрывается песня над рекой? Почему этот толстый купец бьет рулевого и выкрикивает во все горло мерзкие слова? Нет! Бог не милосердный, потому что не дал вечности тому, что есть красота и радость! А может, он сам не вечный? Может, жил когда-то и был милосердным, но теперь умер – и нет милосердия на земле!

– Бога нет... – вспомнил он слова брата Александра. – Лучше о том не думать, – шепнул он.

Болезненная гримаса промелькнула по округлому лицу и затаилась в уголках дрожащих век.

В деревне поплыли дни, полные впечатлений, никогда не забываемых. С деревенскими ребятами Володя углублялся в лес, поля и реку, где дети купались или сидели с удочками, ловя рыбу. В лесу молодой Ульянов охотился. Соорудил себе настоящий лук и стрелял в птиц. Делал это он тайком от матери, которая гоняла его за это.

– Помни, сынок, – говорила она, глядя на него серьезным взглядом, – что самым большим сокровищем, чем располагает человек, является жизнь. Бог в своей доброте наградил ей живых существ. Никто не может, не обижая Бога, убивать ни человека, ни даже самого маленького насекомого.

– Даже комара, который кусает? – спросил мальчик.

– Ну... комар – это... вредное насекомое... – парировала, немного смутившись, мать.

– А волк? Медведь? – спрашивал он дальше.

– Это снова... хищники... – объясняла она неуверенным голосом.

– Неужели нет людей вредных, хищных? – атаковал мальчик – Слышал, что отец Макарий называл революционеров вредителями, а комиссар полиции, господин Богатов, рассказывал, что цыгане являются хищниками. Объясни, мама!

Мария Александровна внимательно посмотрела в вопросительные глаза сына. Хотела что-то ответить, но зажала уста и после долгого молчания шепнула:

– Не поймешь это сейчас. Ты еще маленький. Со временем все узнаешь.

Не задавал он ей больше вопросов, но в птиц стрелял только тайком. Любил также и играть в кости. Знал, что родители были против этого и его отчитывали, однако чувствовал непреодолимую тягу к рискованным предприятиям. Привез с собой кости и играл с ребятами, выигрывая у них маленьких белочек, зайчиков, пойманных дроздов и щеглов, трости с рукоятками из причудливо изогнутых корней. Никогда не проигрывал.

Наконец он был пойман. Кидал кость, наполненную оловом и показывающую наивысшее число точек. Побили его тут же, но никто не намеревался его презирать. Возбуждал он в товарищах уважение по причине небывалой выдумки. Он же пожал плечами и произнес спокойно:

– За что меня поколотили? Все же я хотел выиграть, стало быть, изготовил для себя надежную кость.

– Ну и хват из тебя! – покрутил головой рыжий подросток Сережка Халтурин, веснушчатый и ловкий, как кот. – Не любишь проигрывать, брат?

– Приступаю к игре, чтобы выиграть! – отвечал он, щуря глаза.

Ожидал, что услышит обвинение в нечестности. Часто слышал это слово в гимназии. Самая небольшая неточность в соблюдении правил игры становилась причиной возмущения и обвинения в нечестности.

Володя почти никогда не играл в перерывах между уроками. Обычно он шел в класс для рисования и осматривал гипсовые статуэтки, бюст Венеры, громадную фигуру Геркулеса, опирающегося на палицу, перелистывал альбомы с картинами Эрмитажа, галереи Строганова и Лувра. Удивлялся его многочисленным нелепостям.

Ученики во время классных письменных работ списывали один у другого, подсказывали на занятиях глухого священника и не называли это ни подлостью, ни нечестностью, как это охотно делали во время игры. Была в этом какая-то недобросовестность и неправда, чего не умел объяснить Володя, следовательно, только презрительно усмехался.

Деревенские ребята побили его за кость с оловом. Это он понял. Были злые, что их обыграл. Однако назвали его «хватом», похвалили и, чмокая губами, удивлялись надежности кости и ее изготовителю.

Об этом часто размышлял молодой Ульянов, когда ходил с приятелями на рыбалку, на берег тихого глубокого речного залива. Мальчики садились в ряд и закидывали удочки в черную глубину воды. Сначала молчали, следя за движением поплавков и гусиных перьев, указывающих на приближающуюся рыбу. Единственно, время от времени раздавались громкие шлепки ладонью по лбу или шее, когда прогоняли назойливых, ненасытных комаров.

Пресытившись молчанием, начинали разговор. Ульянов слушал приятелей внимательно, не пропускал ни одного слова. Особенно любил он рассказы рыжего Сережки. От него он в первый раз услышал, кем был знаменитый разбойник Разин, некогда шатавшийся по Волге. Прежде знал, что был это могучий разбойничий атаман, захватывающий купцов с их сокровищами и богатых персов, плывущих с товарами от Каспийского моря. Здесь, на берегу Волги, которая видела красивые лодки разбойника, услышал, что Разин отдавал свою добычу нищим людям, выкупал их из неволи и защищал от царских воевод бедняков, убегавших от несносной кабалы.

Рыжий подросток рассказывал также о Пугачеве и других бунтарских вождях, заступающихся за угнетенных крестьян, обреченных жить под властью царицы Екатерины.

– Эх! – вздыхал и продолжал страстно Сережка. – Если бы так теперь какой Разин или Пугачев пришли! Пошли бы мы за ними и поиграли с чиновниками, полицией. Сидят они у нас вот здесь!

Говоря это, ударил он себя кулаком в заднюю часть шеи, безошибочно повторяя, что говорил и делал его отец или брат, рабочий с фабрики.

От своих приятелей молодой Ульянов услышал о крестьянской нужде и угнетении. Много вещей он не понимал. Фразы «Ванька спит одну ночь с Машкой, другую с Веркой», «Дуняшка вытравила плод, потому что ходила к знахарке, старой Анне, которая живет за деревней, и спуталась с дьяволами», «бабе юмор из ребра выбил», «пускают с нищенской сумой за неоплаченные подати», «барщина», «красный петух, которого своему помещику отдал какой-то Иван Грязнов», – было это все ему непонятно, страшно, удивительно. Расспрашивал приятелей, порой краснел, слыша их простые досадные объяснения, но еще оставались у него сомнения, неясности и заблуждения. Решил сам все проверить, посмотреть собственными глазами, прикоснуться руками до страшных ран, который уже почувствовал сердцем ребенка.

Припоминал себе жалобы и слезы, содержащиеся в стихах Некрасова или в «Записках охотника» Тургенева. Мысли начали связываться с догадками, формироваться, укладываться. Обнаруживался перед ними зловещий образ в деревне, такой обособленный от этого в городе, загадочный, вызывающий боязнь. Было бы достаточно встать посредине, чтобы все охватить взглядом.

Думал об этом, заменяя приманку на крючке, и уже знал, что самые интересные вещи до сих пор его не задели. Решил все увидеть и понять. Предчувствовал, что ожидают его новые, неизвестные ощущения, стократ более сильные, чем ночные походы в темный, нахмуренный лес, разжигание костра на уединенных полянах и слушание ужасных рассказов о волках, медведях, дьявольских призраках и ведьмах, пьющих человеческую кровь. Волка он встретил один раз, но тот убежал от него, как трусливая побитая собака. Не боялся он с того времени волков. Отыскивая ведьм и таинственных призраков, в полночь углублялся он в лес или заглядывал на старое кладбище, часть которого обвалилась уже с высокого берега в реку. Один раз только почувствовал он страх, когда что-то ухнуло над ним и блеснуло в лесу. Присмотрелся он хорошо и решил, что это был филин. С этого мгновения не верил он в существование дьяволов и ведьм, неохотно слушал рассказы ребят об этих «страхах старой бабы».

Его размышления прервали монотонные, стонущие вопли:

– Оооей! Оооей!

Узкой полоской берегового песка шли, запрягшись в изгибы каната, тянущего грузеную баржу, бурлаки. Знал он, что были это бездомные бедняки, в странствиях нанимающиеся за низкую плату для погрузки и волочения суден против течения от Астрахани до Нижнего Новгорода.

Грязные, босые, обносившиеся, обросшие, как дикие звери, пригибаясь под врезающимся в плечи канатом, бурлаки тянули тяжелую баржу со стоящим у руля купцом – хозяином. Их черные ступни вязли в мокром песке, покрытые ранами и мозолями, вспотевшие шеи склонялись все ниже, как бы прячась от солнца, а задыхающиеся и сдавленные груди издавали только один звук:

– Оооей! Оооей!

Была это бурлацкая песня, песня нужды, бессилия и отчаяния.

– Оооей! Оооей!

– Пусть вам Бог поможет, бурлаки! – крикнул им один из мальчишек, отходя в сторону с дороги.

– К черту! – гаркнул идущий впереди высокий детина с могучей голой грудью, покрытой красными язвами. – Над нами только дьявол имеет силу, щенки...

Прошли уже; издалека, из-за глубоко врезающегося в реку мыса донесся стихающий стон:

– Оооей! Оооей!

У Ульянова сжалось сердце. Дьявола нигде не встречал, а в то же время имел он силу над бурлаками. Где есть место пребывания дьявола? Хочу его увидеть и помериться с ним, хотя бы позднее должен буду всю жизнь стонать, как те люди, тянущие баржу.

Вечером Володя принес на условное место карамельки и кусок шоколаду. Начал просить Сережку, чтобы показал ему все, что требовало помощи Пугачева и Разина.

– Вы, горожане, не знаете деревни и нашей жизни, так как у вас все по-другому! – молвил рыжий подросток, презрительно поглядывая на приятеля.

Недалеко проходил крестьянин. На нем были белые портки и выпущенная сверху рубаха из домашнего грубого полотна. Шел, сильно ступая черными босыми ногами и постукивая толстой палкой. Бурчал что-то себе и потрясал гривой густых спутанных косм.

– Павел Халин возвращается из поместья. Злой идет, наверное, ничего не добился, – шепнул Сережка.

– Зачем ходил? – спросил Ульянов.

– Уже два месяца каждый день ходит! – засмеялся подросток – Так получилось, что младший сын господина Милютина встретил в лесу Настьку, дочку Халина. Так и так... лаской угрозой и подарками уговорил ее, чтобы начала ходить к нему.

– Что плохого, что ходила к Милютину? – спросил мальчик.

– Эх, глупый еще! – воскликнул Сережка и весьма цветисто и понятно объяснил все приятелю. – Ну и оказалась Настька беременной... Халин потребовал у господина пятьдесят рублей компенсации, или, говорит, в гроб загонит эту блудницу!

– И что на это Милютин? – спросил дрожащим голосом Володя.

– Сказал: «Не дам гроша, так как сама бегала к моему сыну, он ее не принуждал! Если убьешь девушку, пойдешь на каторгу!». Халин, однако, постоянно торгуется. Думал, что выцыганит деньги, так как хотел купить на ярмарке вторую корову.

– Что теперь будет? – спросил, с ужасом глядя на Сережку, маленький Владимир.

– А что? Поколотит бабу, а потом Настьку. Напьется наконец и будет храпеть. Завтра снова засеменит к Милютину, начнет кланяться до земли, кланчить и просить, – ответил подросток и сплюнул беспечно.

– Хочу посмотреть, как будет бить... – шепнул Володя.

– Пошли! Спрячемся за забором. Оттуда все увидим и услышим, – согласился мальчишка, хрустя конфетой и громко чавкая.

Они обежали село со стороны реки и затаились поблизости от хаты Халина. Доносился из нее возмущенный голос крестьянина:

– Этот пьющий нашу кровь мучитель, притеснитель не хочет слушать! Говорит, что эта сука сама кобеля искала, пока не нашла.

– Ой, нет! Клянусь Матерью Пречистой, нет! – крикнула девушка. – Я его полюбила, а он обещал в церковь, к алтарю вести. Я не...

Тяжелый удар упал ей на грудь, аж охнула.

– Ты, сука, ты нищая, тряпка, ты блудница подлая! – повторял крестьянин и бил, не выбирая места, пиная ногами и брызгая омерзительными словами.

– Что же ты делаешь, зверь! – бросилась на него с криком жена. – Убьешь девку...

Мужик схватил бабу за волосы, выволок из хаты и, отломивши кусок дерева, начал колотить ее по хребту, бокам и голове.

Она выла ужасно:

– Люди добрые! Спасите! Убивает! У-би-ва-ет!

Из соседних хат выбежали бабы, а за ними медленным шагом выходили мужья. Окружили Халина кругом и смотрели внимательно, спокойно. Маленький Ульянов не заметил никакого волнения и сочувствия на темных загорелых лицах крестьян. Мужчины поглядывали скорее с интересом и злобностью, женщины вздыхали и с притворным испугом закрывали глаза руками.

Сережка засмеялся тихо.

– Люби жену, как душу, а трясина, как грушу, – шепнул он словами пословицы. – Этот только трясет!

– Помогите соседке, а то Павел заколотит ее до смерти! – крикнула старая крестьянка.

– Не наше дело! – парировал серьезным голосом староста. – Жена два раза в жизни самой дорогой бывает: когда вводишь ее в дом и когда провожаешь до могилы. Ничего это! Научит Павел бабу и спокой будет!

Однако крестьянин впадал всё в большую ярость. Ругаясь, отбросил от себя полено, которым бил женщину, и наклонился за тяжелой дубиной.

Староста подошел к нему и произнес примирительным голосом:

– Ну, хватит, хватит уже, сосед, Павел Иванович. Сделали свое, смотрите: баба вся в крови и уже встать не может. Хватит!

Халин поднял на него угрюмые, бешеные глаза, вдруг успокоился и почти со слезами начал жаловаться:

– Не уберегла девки, мерзавка! Что мне теперь делать? Буду убудка кормить! Пятьдесят рублей старый злодей Милютин не хочет заплатить. Уж я ему осенью, когда амбар будет полон зерна, «красного петуха» пушу в его берлогу, засвечу господину высокородному, благородному зарево в глаза, ей-Богу! Не забудет меня!

– Нехорошо болтаешь, сосед! – увещевал его один из крестьян – Не дай Боже, такие слова дойдут до полиции! Стниешь в тюрьме, не иначе!

Хозяин еще жаловался и грозился. Этим воспользовалась лежащая на земле окровавленная баба, встала со стоном и пошла в хату. Соседи, обсуждая грех девушки и слушая жалобы крестьянина, забрали его с собой.

– Побегу домой, а то нужно скот напоить, – молвил Сережка и направился домой.

Володя не двигался с места. Подслушивал, что делается в избе.

Женщины вместе плакали навзрыд и жалобно голосили. Умолкли, однако, и немного погодя начали говорить что-то между собой, шепотом, как бы устраивали заговор. Скоро из хаты вышла девушка. Под мышкой она несла толстый сверток полотна и желтый с голубыми цветами платок.

Мальчик чувствовал голод, но не покидал своего тайника. Видел, как Павел возвращается домой. Шел он, шатаясь, болтал сам с собой, размахивал руками. Пробовал даже запеть и плясать, но закачался на ногах и чуть не рухнул на землю. Вошел в почти бессознательном состоянии домой, где избитая, покалеченная жена быстро уложила его на постель и стянула ботинки. Володя слышал, как пьяный мужик храпел и сквозь сон выкрикивал проклятия.

Крестьянка подошла к калитке и выглядывала кого-то нетерпеливо. Услышавши шаги со стороны сада, собрала несколько камней, лежащих на подворье, и положила под стену дома, подальше от окошка.

Приблизились к ней две женщины. Одна была Настька с выступающим из-под фартука животом, заплаканная и испуганная; другая – маленькая сгорбленная старушка, деревенская знахарка. Ее желтое изборожденное черными глубокими морщинами лицо имело сосредоточенное выражением. Черные, круглые, как у птицы, глаза бегали беспокойно.

– Освободи, тетка, девушку от ребенка! – шепнула крестьянка. – После жатвы принесу серебряный рубль! Клянусь Христом!

– Спешите, спешите! – бурчала знахарка, засучивая рукава.

Мать помогла Настьке улечься на камни. Лежала так, что живот выпирал, словно раздутое туловище коня, который пропал три дня назад и лежал в лесу, где гниющие объедки грызли собаки.

Старушка поискала около одежды девушки и буркнула:

– Ну дай, соседка, доску...

Крестьянка принесла тяжелую широкую доску, на которой стирали белье. Знахарка, выкрикнувши непонятные слова заклятий, подняла ее и изо всей силы ударила лежащую по животу. Раздался сдавленный стон и тихий плач, а после него последовали новые удары.

Длилось это долго. Стоны, скрежет стиснутых зубов и глухие отзвуки ударов.

Девушка ужасно вскрикнула и замолчала.

– Уже... – буркнула старуха. – Принеси теперь воду и церковную свечку!

Бормоча заклятья, брызгала она на неподвижную Настьку воду и ходила вокруг со свечкой в руке, повторяя без перерыва:

– Господи, смилуйся! Господи, смилуйся!

Мать склонилась над лежащей девушкой и внезапно отбежала, протирая испуганные глаза, хватаясь за волосы и шепча:

– Тетка Анна, Настька мертвая... Настька мертвая!

Упала на землю и билась головой о стену. Где-то недалеко заиграла гармоника. Веселые высокие ноты бежали в поспешности, догоняя друг друга и резвясь.

Молодой беззаботный голос напевал:

*Деревень три, поселения два
Восемь девушек, один я!
Гу-га!*

Глава III

Вся деревня собралась перед домом Халина. Белый гроб, сбитый наскоро из строганных досок, стоял на двух табуретах в правом углу хаты. На полке с черными закопченными иконами горела восковая свеча.

Молодой поп, маленький, худой, в потрепанной сутане и старой ризе из черного бархата отправлял молитвы. Пел сухим голосом, как если бы всей силой воли сдерживал боль. Голубые глаза все время заволакивались слезами, сильно сжимал он в бледной руке крест и, тяжело отдуваясь, пел оборванные слова молитв.

Не смотрел на толпящихся вокруг крестьян. Прятал глаза под опущенными веками. Время от времени бросал взгляд на умершую Настьку. Видел ее заостренный нос, морщинки боли около уст и один мутный, не закрывшийся полностью глаз. Тогда внезапно прекращал пение, со свистом втягивал воздух и сильней впивался худыми пальцами в металл креста.

Богослужение закончилось. Прозвучали ужасные, рыдающие слова:

– Упокой ее, Господи, в приращении святых Твоих!

Мужики вынесли Настьку и двинулись быстрым шагом на кладбище, где паслись оставленные без присмотра коровы, а собаки бегали среди хвостов запутанных зарослей ивняка и выюнков. Над могилой девушки быстро вырос маленький холмик из желтой глины, и над ним белый деревянный крест без надписи.

Господин Ульянов пригласил попа к себе на чай, говоря ему:

– Издалека приехали, отец, утомились, наверное. Очень просим к нам!

Халин не задерживал священника. Рад был, что может избавиться от незнакомого попа из далекой приходской церкви. Чужой и «ученый» человек испортил бы поминальное пиршество, стеснял бы всех. Мария Александровна поддержала просьбу мужа. Молодой поп с мягкой, застенчивой улыбкой в молчании кивнул головой, снимая с себя траурную ризу и завертывая в красный платок крест, кропильку и бутылку с освященной водой. Вытряхнул из кадилницы угли и взглянул на крестьян. Ели они, беря пальцами из маленькой мисочки небольшие доли пшенной каши и нетерпеливо поглядывая на осиротевших родителей, выравнивающих лопатами могилу.

Господин Ульянов, пригласивши попа к столу, покровительственным тоном выпытывал у него о приходском священнике, о семье, о церковных делах. Поп, скромно опуская глаза, отвечал осторожно, недоверчиво.

– Какую семинарию закончили, отец? – спросила госпожа Ульянова.

– Закончил Киевскую семинарию, а затем Духовную Академию в Петербурге. Фамилия моя Чернявин. Виссарион Чернявин, – ответил тихо.

– Духовную Академию! – воскликнул господин Ульянов. – Это наивысшее учебное заведение, и вы, отец Виссарион, похоронили себя в деревенской глуши! Как это могло случиться?

Поп поднял встревоженные глаза и шепнул:

– Не знаю, могу ли я открыто говорить... Боюсь, что кто-то подслушает.

– Нам можете смело говорить... – произнесла Мария Александровна.

– Знаю... – шепнул поп. – Знаю вашего сына, Александра Ильича.

– Та-ак? – удивилась госпожа Ульянова. – Где вы его встретили?

– В Казани... У нас есть общие знакомые, – ответил он уклончиво.

– Пусть же отец расскажет, как это получилось, что ученого священника послали в такой глухой приход?

Отец Виссарион огляделся подозрительно и шепнул, наклонившись над столом:

– Меня преследует епископ епархиальный и Святой Синод...

– За что?

– Я сопротивлялся церковной политике, не хотел быть церковным чиновником, так как мое призвание – это священство, утверждение в настоящей вере Христовой.

Внезапно он оживился и начал говорить смелее и громче:

– Россия является еще дикой, почти языческой страной, дорогие господа! Наши священники должны быть миссионерами! Все же наш темный, безграмотный народ из христианства ничего не взял. Ничего! Раньше бил головой в скамейку деревянного идола Перуна, и теперь, на тысячу лет позднее, бьет головой перед нарисованными на дереве иконами. Бог для него – это икона, и о Духе он не знает ничего. Не знает, не думает и не может понять! Любви, света, надежды и веры нет среди нашего народа, и, что страшнее, народ имеет дерзость отбрасывать даже самые мельчайшие отличия веры, молитвы, впадая в мрачное святотатство!

Он умолк, размышляя.

– Крестьянин наш молится об урожае, об увеличении обрабатываемых земель, об отбирании ее у владельцев больших земельных угодий, – продолжал дальше отец Виссарион. – Только это морочит ему голову. Обещанием земли можно увести его до неба и до ада! Император Александр II освободил крестьян, привязал их к маленьким кускам земли, которая не может дать им ничего, кроме нищего бытия, постоянной борьбы с голодом. Назвали его «Освободителем»! Кто-то мудрый посоветовал ему, чтобы направил мысль народа на постоянное желание земли и парализовал его силы обманчивыми обещаниями. Дьявольский план! За это император и погиб от рук революционеров.

Все молчали. Володя не сводил глаз с бледного, измученного лица отца Виссариона.

– Как я могу приблизить этому народу учение Христа, когда мне приказывают его обманывать, склонять к покорности, обожествлению царя и лояльности к злым властям? Не могу! Не могу!

Вздыхнул и добавил шепотом:

– Написал об этом в заседании суда. Теперь преследуем, под надзором полиции, сослан в деревню... Священник! Это великое слово! Ужасная ответственность! Вы были на похоронах этой девушки... Знаю, что творится в деревне. Знаю, так как слышу на исповеди о чудовищных вещах! Не является ли это преступлением, потому что называем этим словом нападение волка на ягненка?.. Живем в непроницаемом мраке. Мужья бьют своих жен до смерти, когда почувствуют влечение к другой женщине. Жены подсыпают мужьям яд в водку, чтобы освободиться от них. Девушки ведут распутную жизнь, а после бегут к знахаркам, чтобы те избавили их от неотвратимых последствий; пьянство, первобытные обычаи; жизнь человеческая не имеет никакой ценности. Убить человека, убить с изысканной азиатской изобретательностью, чтобы чувствовал, что умирает, это есть наш народ! Никто не знает, даже не предчувствует, что из этого может произойти.

– Революция, бунт? – шепотом спросил Ульянов.

– Нет! – воскликнул молодой поп. – Народ, как дикий хищный зверь, вырвется из клетки и все утопит в вихре преступлений, в потоке крови, в пламени... Это время уже приближается!

Поднял руку и потряс ее над головой, тяжело дыша.

– Это ужасно! – промолвила Мария Александровна.

– Может, наши школы спасут нас от бедствий? – спросил господин Ульянов.

– Это слишком длинная дорога! При настроениях нашего народа даже опасная. Книга не накормит голодных. Учить с пользой можно только сытых и спокойных людей. А у нас голод и ненависть... Не обольщайтесь!

Произнеся это, отец Виссарион встал из-за стола, трехкратно попрощался и шепнул умоляющим голосом:

– Не повторяйте, дорогие господа, никому нашей беседы! Не боюсь, но хотел бы побыть в этих окрестностях более долгое время.

Вышли на двор, где стоял возок. Кучера не было.

– Володя, ну-ка сбегай к Халину! Наверное, ваш работник, отец Виссарион, пирует с другими после похорон на поминках, – распорядился господин Ульянов.

Мальчик хотел уже выполнить распоряжение отца, когда в этот момент на крыльцо хаты Халина начали выходить крестьяне и крестьянки. Размашисто трижды крестились они и, шатаясь, спотыкаясь, сходили по ступеням. Тут же за забором начали петь нестройным хором какую-то задорную песенку.

Кучер, пьяный и качающийся, бежал к своему возку.

– Достойные, почтенные похороны справили дочке... Га! Свети Боже над душой служанки твоей, Настасьи, – бурчал он, вскарабкиваясь на козлы.

Возок покатился по улице, поднимая облака пыли. Пьяный мужик хлестал клячу бичом и покрикивал злым голосом:

– Я с тебя, стерва, шкуру сдеру, мослы поломаю!

Родители Володи возвратились домой.

Мальчик остался и следил за исчезающим у поворота дороги, скачущим по камням и грохочущим окованными колесами возком маленького бледного попа. Видел его отчетливо перед собой с рукой, угрожающе поднятой над головой, а рядом упитанного отца Макария, гладившего мягкую бороду и серебряный крест с золотым венцом, голубой эмалью и дорогими камушками над головой Христа Распятого.

«Два духовных лица, – думал он. – Какие разные и оба загадочные! Кто из них лучше, правдивей, кто хуже?»

Ниоткуда не получил ответа. Чувствовал себя в лабиринте постижений, как на бездорожье...

Сощурил черные глаза и крепко стиснул губы. Вспомнил, что хотел взглянуть на нищего, который заночевал у старосты, сбросил с себя терзающее его отчаяние и побежал к хате, где находился пришелец. Увидел его, окруженного крестьянами и собравшимися около него детьми.

Был это «Ксенофонт в железе», старый крестьянин, худой, с черным лицом и мученическими, неистовыми глазами. Летом и зимой ходил он босый, в одной и той же дырявой, просвечивающей сермяге. На изнуренном теле носил он тяжелую цепь и рубаху из конского волоса для умерщвления плоти. На груди его висела большая, тяжелая икона Христа в терновом венце.

Старец не умолкал ни на минуту. Говорил без остановки. Была это мешанина молитв, притч, слухов и новостей, собранных со всей России, которую в течение многих лет пересекал он без цели, гонимый жаждой бродяжничества. Рассказывал о монастырях, реликвиях святых мучеников, о их жизни; о тюрьмах, где проводили отчаянную, безнадежную жизнь тысячи крестьян; о бунтах; о каком-то ожидаемом «белом письме», могущем дать крестьянам землю, настоящую свободу и счастье; о холере, «распространяющейся» по деревням с врачами и учителями; показывал талисманы от всяких болезней и несчастий, щепотку Святой Земли, обломок кости Святой Анны, бутылочку с водой из колодца Святого Николая Чудотворца; смеясь, подпевая и брэнча цепями, пророчил, что придет скоро Антихрист – враг Бога и людей, что шестьсот шесть дней его правления переживут только те, которые к земле прижаты бременем страданий и несправедливости, и являются ими крестьяне. Им также дано будет право судить притеснителей; потом снова пожелует Христос, на тысячу лет установит бытие людей от плуга, чтобы перед концом света познали они радость земной жизни.

Пел, кричал, молился, плакал и смеялся истово старый, нищий, черный как земля. Маленький Володя внимательно приглядывался к нему. Удивительные рассказы старца будили всяческие мысли.

К хате старосты внезапно подъехала со звоном колокольчиков карета, за которой верхом ехало двое полицейских.

В избу вошел чиновник. Надменно поздоровался со старостой и спросил:

– В твоей деревне живет Дарья Угарова, вдова солдата, убитого на турецкой войне?

– Живет... – ответил испуганный крестьянин, дрожащими руками нацепляя на сермягу латунную бляху с надписью «староста» – символ его власти. – Около Кривого Оврага стоит хата Угаровой.

– Покажи мне хату вдовы! – приказал чиновник и вышел из избы.

Пошли они, провожаемые толпой крестьянок, поющим Ксенофонтом и сбегающимися отовсюду крестьянами.

Около маленькой хаты с дырявой крышей из почерневшей соломы, с выбитыми стеклами, занавешенными грязными тряпками, доила корову немолодая женщина; две девчонки деревянными вилами выбрасывали из хлева навоз.

– От имени закона забираем дом, поле и все имущество Дарьи Угаровой за неуплату податей после смерти мужа. – объявил строгим голосом чиновник. – Исполняйте ваши обязанности!

Кивнул он конным полицейским. Те вывели корову и начали накладывать печати на дом и хлев.

– Соседи, благодетели! – заорала, поднимая руки, крестьянка – Помогите, сложитесь, заплатите! Знаете сами, какая нужда в доме! Мужика нет... Пропал на войне. Что же я, бедная, одна сделать могла? Ни плуга, ни работника... Одна выхожу в поле с деревянной сохой, тянут ее корова и мои малолетние девчонки. Если бы не корова, единственная кормилица, давно бы с голоду померли. Помогите! Заплатите!

Крестьяне опускали головы и угрюмо смотрели в землю. Никто не пошевелился, никто не вымолвил ни слова.

– Ну так! – произнес чиновник. – Дарья Угарова должна еще сегодня покинуть усадьбу. Староста присмотрит, чтобы она не сломала печати до конца тяжбы.

Кивнул головой и уселся в карету. За ней поехали верховые полицейский, ведя на веревке корову.

Толпа не расходилась. Стояла в молчании, слушая причитания, жалобы и рыдания Дарьи. Она раздирала на себе полотняную рубаху, подпоясанную шнурком; рвала волосы и кричала ужасно, как раненая птица.

Расталкивая толпу, подошел к ней Ксенофонт. Бренча цепями, встал на колени перед отчаявшейся крестьянкой. Прижимая пальцы ко лбу, плечам и груди, шептал молитву и смотрел неистовыми, блестящими глазами. Наконец прикоснулся лбом к земле и произнес торжественно:

– Служанка Божия, Дарья! У тебя нет никого, кто бы защищал тебя и этих возлюбленных Христом деток? Нет никого, кто бы вас опекал?

– Никого, ах, никого! Сироты мы одинокие, несчастные... – отозвалась Дарья, разражаясь рыданием; почти потерявшая сознание, подкошенная отчаянием, бессильно оперлась о стену хаты.

– Во имя Отца, Сына и Духа Святого, аминь! – воскликнул нищий. – Тогда вот я, недостойный слуга Христа, беру вас с собой.

Пойдем вместе просить милостыню, на скитание... в зное, в морозе, в ненастье, бурю и выюгу снежную... от деревни к деревне, от города к городу, от монастыря к монастырю... по всему необъятному обличью святой Руси! Как птицы будем, что не пахнут, не сеют, и Бог урожай им ниспосылает, что в сердцах добрых люди вырастили. Не отчаивайтесь... Не плачьте! С Небес Христос Замученный и Мать Его Пречистая ниспошлет вам помощь. Собирайтесь. В дорогу далекую, знойную... Во Имя Христово... вплоть до дня, когда придет возмездие и награда для притесняемых, в слезах и боли тонущих. В дорогу!

Взял за руки девчонок и пошел, звеня железом. Дети не упирались. Шли покорно, тихо плача.

Дарья взглянула на уходящих, охватила отчаянным взглядом убогую хату, разрушенный хлев, поломанный забор подворья и брошенный подойник с остатками молока на дне. Крикнула пронзительно, угрожающе, словно ястреб, кружащийся над лугом, и побежала, догоняя Ксенофонта, постукивающего посохом, и тихо идущих перед ним девчонок в грязных холщовых рубахах, босых, с растрепанными льняными волосами.

Разбежались бабы по избам и, немного погодя, окружили уходящих в нищенские скитания, принося хлеб, яйца, куски мяса, мелкие медяки. Отдавали подавание Ксенофонту и Дарье, шепча:

– Во имя Божие...

– Христос вознаградит... – отвечал нищий, пряча подавания в мешок.

Вся деревня проводила до пересечения дорог прежних соседей, бросавших навсегда свое семейное гнездо. Дальше нищие шли уже сами. Только Володя, скрываясь в кустах, двинулся за ними.

Ксенофонт молился шепотом, Дарья тихо плакала, девчонки, уже успокоенные и обрадованные перемене в их жизни, бежали вперед и рвали цветы.

На полях работали крестьяне. Маленькие худые лошадки тянули соху с одним лемехом, откованным деревенским кузнецом, или из острого корня – при отсутствии железа. Тяжкий труд и напряжение заметны были в наклоненных головах слабых коней и вытянутых шеях и плечах людей, идущих за сохой. Лошадки пытели хрипло, крестьяне покрикивали задыхающимися голосами:

– Оооей! Оооей!

Володя подумал, что это тоже бурлаки, тянущие канат, привязанный к тяжелой лодке, наполненной нуждой и работой без отдыха и надежды.

В это время идущие краем дороги девчонки остановились и стояли неподвижно, заглядывая на дно рва, идущего вдоль шоссе. Из рва вылезло двое подростков. Они кричали и ругались похабно, смеясь и оправляя на себе портки и рубахи. Потом убежали в поле, где стояла белая косматая кляча, запряженная в деревянную соху. За ними вылезла девчонка с растрепанными волосами, босая, в грязной, высоко подоткнутой юбке⁶. Шла, лениво натягивая на голые плечи и буйные крупные груди холщевую рубаху, разорванную на плечах и измазанную землей. Ульянов ее знал. Была это немая пастушка.

Она приостановилась. Голубыми глазами бессмысленно и безразлично смотрела на шагающих дорогой нищих, почесывая подмышками. Подростки добежали до сохи, согнутые уже шли, отваливая мелкий пласт земли и злыми окриками погоняя клячу:

– Оооей! Оооей!

Маленький Ульянов не пошел дальше. Уселся за кустами у дороги и заплакал тяжелыми, жалобными слезами. Ничто его не радовало. Сапфировое и глубокое небо, золотистая пыль шоссе, полевые цветы, зеленеющие поля, жаркое ласковое солнце – все казалось ему серым, безнадежным, больным и убогим. В голосах птиц слышал он только одну ноту – ноту стонущей жалобы.

Перестал плакать. Охватила его в это время сильная ненависть. Крутились перед ним фигуры, вращающиеся в мутном сером мраке. Бог, отец с орденом на груди, староста, рыжий Сережка, высокий комиссар полиции Богатов, доктор Титов, старая сморщенная знахарка; бледный деревенский поп, которого преследовал тучный отец Макарий; упругие обольстительно нагие груди бессмысленной девки.

От поля доносилась его злая, страстная жалоба на плуги и сохи.

– Оооей! Оооей!

Глава IV

Ульянов никогда не отличался прямодушием и чрезмерной веселостью, а после возвращения из деревни даже коллеги заметили перемену в его лице, голосе и осанке. Избегал он ровесников и никогда не вел с ними разговоров. Так, по крайней мере, им казалось. В сущности же было иначе.

Володя, возвратившись с каникул, присматривался внимательно к коллегам. Изучал их так, как если бы видел ребят в первый раз. Сделал осмотр целой группы учеников и мимоходом задал им несколько неожиданных вопросов.

О, теперь он хорошо узнал этих мальчиков! Этот – сын командующего полка – говорил только о значении своего отца, его карьере, об орденах; строгости, с какой наказал он непокорных солдат, отдав их под военный суд, на верную смерть. Другой – сын купца – хвалился богатством родителей, рассказывал о заработках фирмы во время ежегодной ярмарки в Нижнем Новгороде, о ловкой афере с поставкой армии за взятку гнилого сукна на солдатские шинели.

Иной – сын директора тюрьмы, – грубо смеясь, распространялся в подробностях о способах издевательств над арестантами. Говорил о кормлении их чесноком и селедкой, при этом лишая их воды; о постоянной побудке ночью и о внезапных допросах, осуществляемых почтенным следователем в отношении измученных, страдающих людей. Описывал сцены казни, которые якобы видел из окна своей квартиры.

Маленький добродушный Розанов хвалился тем, что его отец, губернский советник, отовсюду получает красивые и дорогие подарки, и что он сам носит ученическую форму из настоящего английского драпа, подаренного ему в день именин одним купцом, имеющим срочное дело к отцу.

Толстый, бледный Колька Шилов высмеивал своего отца, кафедрального приходского священника и прокурора консисторского суда, вспоминая о том, как дорого платят богатые господа, требующие развода, и как почтенный, уважаемый в городе и носящий золотую митру во время богослужения священник закрывался с клиентами в своей канцелярии, составлял с ними план искусных доводов измены и нарушения супружеской верности, а также других «бесчестных свинств», как выражался циничный сыночек.

Каждого почти нащупал, прикоснулся, изучил угрюмый Володя, и только тогда начал рассказывать им о жизни крестьян, ужасной, безнадежной и мрачной. Вспоминал о Дарье Угаровой, о зловещей проповеди молодого попа, о смерти Настьки, о нищем Ксенофонте, об убогих смешных сохах крестьянских, в которых вместо железного лемеха торчал изогнутый дубовый корень; описывал разврат, господствующий в деревне, практику знахарок, темноту народа и его смутные туманные надежды.

– Ужасная это жизнь! – шептал мальчик. – Только ожидать, как крестьяне поднимутся, пусть только найдется какой-то новый Пугачев или Разин. Погуляют они тогда!

– Э-э, не так дьявол страшен, как его малюют! – воскликнул, взмахнув рукой, сын полковника. – Мой отец направит своих солдат. Как дадут залп, тррррах! И по всем. Этим зверям только это и полагается!

Другие засмеялись, поддерживая коллегу. С этого дня Ульянов перестал разговаривать с мальчиками своего класса. Он полностью отдался учебе и чтению. Делал какие-то выписки, записывая их в толстую тетрадь и добавляя собственные примечания. Случайно тетрадь Володи заметил брат Александр. Ничего об этом не сказал, но начал давать ему книжки для чтения.

Володя учился хорошо и постоянно зачитывался римскими классиками. В четвертом классе он уже почти не пользовался словарем. Учителей не любил, так как и не было за что. Капеллан, глухой и шепелявящий, «валил» из книги, глаз от нее не отрывая. Требовал, чтобы

ученики учили все на память, слово в слово так, как стояло в «господина профессора, доктора священной теологии, преосвященного протоирея⁷ Соколова» учебнике, через Святейший Синод одобренном и рекомендованном.

На всякие, порой казуистические вопросы учеников, отвечал он стереотипными словами:

– Что должны знать, об этом сказал и это найдете в превосходной книжке доктора священной теологии, преосвященного отца Дмитрия Соколова на странице семьдесят шестой...

Володя, который после утверждения брата о небытие Бога, опасался вступать с ним в разговор на религиозную тему, имел много сомнений. Хотел спросить об этом у капеллана, но когда тот отослал его к сто первой странице учебника Соколова, махнул рукой и уже никогда к нему не обращался. Когда его спрашивали урок, он «сыпал» от корочки до корочки наиподлиннейшими словами «господина профессора и доктора «Святой теологии», получал пятерку и садился понурый, отчаявшийся.

Учитель математики, Евграф Орнаментов, громадный кудлатый верзила в темных очках на красном носу, всегда пьяный, в минуту гнева забывал о месте, где он находился, и извергал отвратительные народные проклятья. Гневался он часто, так как, несмотря на то, что каждый год использовал одни и те же задания, ученики ничего из математики не знали и стояли у доски, как «олухи Царя Небесного», по определению вспыльчивого Орнаментова.

Единственной его опорой был маленький Ульянов. Когда приезжали школьные власти на инспектирование гимназии, оробевший и сконфуженный Орнаментов вызывал к доске Владимира, и тот решал сложнейшую задачу, продиктованную приехавшим министерским чиновником.

Профессором латинского и греческого языков был в течение последних двух лет великолепный мужчина с низким голосом, с легкостью переходящим в звучный тенор, с длинной черной бородой, красивым бледным лицом и голубыми глазами, смело светящимися за стеклами золотых очков. Звали его Арсений Кириллович Ильин.

Среди учеников старших классов кружились слухи, что великолепный Арсений Кириллович был ловеласом и охотником до любовных приключений, за которые и был переведен из Москвы в провинцию.

В самом деле, так оно и было. Даже Володя слышал об этом дома. Господин Ульянов со смехом рассказал Марии Александровне о романе профессора Ильина с женой инспектора гимназии.

Инспектор – болезненный, истрепанный жизнью и постоянной игрой в карты – недавно женился на молодой девушке, почти безграмотной швее, которая начала ему изменять назавтра после свадьбы, поначалу с учениками восьмого класса, пока на горизонте не появился величественный, интересный Арсений Кириллович.

Латинист отлично знал, что «молодые волки», как называл он своих воспитанников, были хорошо проинформированы о его романтических авантюрах, стало быть, входя в класс, напускал загадочную, слегка ироничную мину, а голубые глаза говорили без слов: «Все, что знаете обо мне, сберегите для себя!».

Ильин сразу стал кумиром Ульянова. Профессор знал римских и греческих классиков превосходно, был влюблен в древнюю историю, помнил название каждого сочинения античного мира, прекрасно декламировал Энеиду, а гекзаметры Гомера лились с его уст как чудесная музыка, ни с чем несравнимая. Между профессором и учеником по этой причине установились нити молчаливой расположенности.

Один раз Ильин встретил Владимира на улице и остановил его.

– Что же это, молодой волк, любишь старый мир? Собираешься посвятить себя филологии? – спросил он, доброжелательно глядя на мальчика.

– Не знаю еще, господин профессор, – ответил Ульянов.

– Время уже определить свои пристрастия и выбрать настоящую дорогу жизненную, – заметил латинист.

– Да. Сам тоже так думаю... но... но.

Мальчик внезапно замолк на слове.

– Но что? – спросил Ильин.

– Постоянно мне кажется... кажется, что настоящая жизнь является какой-то неправильной, искусственной... что что-то должно случиться и все внезапно оборвется... – шепнул Владимир.

– Гм, – буркнул профессор, с удивлением глядя в серьезные глаза ученика. – Гм! Такие у тебя мысли?

– Да!

– Ну, следовательно, нет другого выбора. Шпарь, парень, на филологию! – воскликнул Ильин. – Так как видишь, я с этими мыслями хожу по этой глупой земле уже с лишком тридцать лет, и так себе сказал: «Почему, Арсений Кириллович, остаешься в обществе разных свиней, негодяев, взяточников, идиотов, когда можешь с блаженством провести несколько часов в день с великими людьми, и это с какими! С Гомером, Вергилием, Овидием, Ксенофонтom, Демосфеном, Цицероном, Платоном!».

К сожалению, когда Володя перешел в шестой класс, Арсений Ильин был переведен в Москву, куда забрал с собой госпожу инспекторшу. Этого Ульянов не мог понять. Прекрасный античный мир в мраморе статуй, в граните могучих храмов – и внезапно в этот мир чудес, гениев, великих вождей и мыслителей вспорхнула глупая, влюбчивая, распутная жена инспектора, неинтеллигентная швея.

Встряхнул плечами и сразу примирился с утратой профессора. Почувствовал неправду, неискренность в его жизни и фальшь в словах. Преемник Ильина был тупым кретином, формалистом и неучем.

Профессор русской литературы, семинарист Благовидов, довел Ульянова до отчаяния. Мальчик прочитал почти всю русскую литературу и имел о ней собственное мнение. Знал классиков и гневался на них, что, по большей части, писали о дворянстве, царях и генералах. Любил Чернышевского, Некрасова, Толстого, Кольцова, так как говорили они о народе, смеялся над Аксаковым за его стремление к объединению России со славянами Запада. В Казани встречал сосланных поляков и видел пропасть, разделяющую их от россиян.

Профессор не отличался сильно от глухого капеллана. Заставлял учеников повторять неинтересные, тенденциозные страницы социального учебника, ничего от себя не добавляя. Впрочем, имел идеи... Устраивал воскресные литературные лекции. Восхвалял тех отечественных писателей, которые упрочивали любовь к господствующей династии, а других называли бунтовщиками и изменщиками. Был такой тупой и упертый и так хотел получить за свои лояльные убеждения очередной орден и чин, что Ульянов, намеревающийся начать с ним дебаты, сплюнул только и отказался от своего плана. Дал ему прозвище: «Быдло с орденом»; пришло оно к семинаристу на все время его педагогической карьеры.

В седьмом классе произошли важные события, определившие жизнь Владимира Ульянова.

Каникулы проводили они вместе с братом Александром, который уже был студентом, работающим над математикой и естественными науками. На прогулках Александр начал серьезно разговаривать с младшим братом, удивляясь его начитанности, глубокости мысли и ясной логике доказательств.

Рассказывал ему о революционной партии «Народная Воля» и признался, что к ней принадлежит.

– Хотим, – говорил Александр, – чтобы весь наш народ, а следовательно, прежде всего, наиболее многочисленная его часть, крестьянство, выступило с вопросом управления Россией.

Должны заставить династию созвать Учредительное Собрание, через которое будет установлена форма управления страной. Тогда только исчезнет темнота и нищета народа, нашего угнетенного мученика.

Владимир слушал. Когда брат закончил, спросил его:

– Каким способом принудите к этому царя? Наш народ управляем так, как если бы был бессмысленным стадом. Сам не сумеет ничего сделать, так как недоверчив и до сих пор не научился идти плечо к плечу; видел это в деревне на каждом шагу.

– Партия ищет сочувствующих в кругах либерального дворянства, – парировал Александр. – Она имеет влияние и сумеет дойти до царя...

– Удивляет меня это! – воскликнул паренек. – Прежде чем народ будет иметь голос, уменьшится благосостояние дворянства. Оно вас не поддержит!

– Тогда применим террор! – крикнул Александр.

– Что дали вам бомбы Желябова и Перовской? Царя Александра III и прежнюю, николаевскую, солдатскую власть, – пожал плечами Владимир.

– Откуда ты об этом всем знаешь?

– Говорил мне об этом наш учитель истории, – отвечал Владимир. – Тот, которого в середине года прислали в гимназию, Семен Александрович Остапов. Но хочу задать еще один вопрос. Скажи, имеете ли вы целью благо всей России, или только крестьянства?

Н. Г. Шильдер

Портрет Александра III

– Что за вопрос? – удивился брат. – Вещь простая: речь идет у нас о всей России, от верха до низу!

Владимир усмехнулся пренебрежительно и небрежно поднимая плечи, сказал:

– Если так – забавляетесь несбыточными мечтами!

– Почему?

– Потому что все будут недовольны, и произойдет постоянная внутренняя борьба. Допустим, даже на минутку, что крестьяне не будут иметь перевес в правительстве. Мечтают они только об одном: добыть как можно больше земли. Остапов доказывает, что, собственно, поэтому плохое царское правительство держится так долго. Его идеалом становится захватни-

ческий характер, а это отвечает желаниям, аппетитам и мечтам всего народа. Но оставим эту тему. Интересует меня другой вопрос. Крестьяне, получивши влияние на правительство, верные своей извечной жажде земли, сразу создадут новых помещиков. Против них будут горящие ненавистью прежние привилегированные владельцы земли и деревенская беднота. Где же тут здоровый смысл, если дело идет о всей России, сверху донизу?

Разразился сухим смехом и сощурил глаза.

Не раз братья возвращались к этому спору, и Александр должен был всегда признавать, что молодой брат будит в нем серьезные сомнения о благотворности программы Народной Воли.

Однажды Владимир сказал брату:

– Охотно бросил бы бомбу в царя и его помощников, но в твою партию не пойду никогда!

– Почему?

– Это собрание «святых безумцев»! Зачем собираетесь от имени народа думать, требовать и работать? Он сам сможет в свое время рявкнуть, заглушая взрывы ваших бомб, а террор придумает такой, что сам Желябов покраснел бы, как школяр!

– Это тоже тебе Остапов сказал? – спросил Александр.

– Нет, это я тебе говорю! – парировал паренек серьезным голосом – Знаю, что так будет, так как наш народ дикий, кровожадный, никого и ничего не жалеет, не привязан к прошлому, потому что было оно для него, как настоящее, мачехой; не имеет никаких принципов и не знает другого препятствия, кроме грубой силы, перед которой единственной склоняется.

Никогда больше не говорили они уже о Народной Воле.

Александр скоро предложил брату читать вместе с ним сочинения Карла Маркса. Книжки эти сразу захватили Владимира. Оставил из-за них любимых классиков римских и не перелистывал уже великолепного «Реального словаря классических древностей» Любкера, что делал для собственного удовольствия. Спешил теперь с выполнением необходимых уроков и принимался за Маркса, делая заметки и исписывая целые страницы собственными мыслями.

Когда старший брат с изумлением смотрел на него, Владимир говорил возбужденным, восхищенным голосом:

– Это вам нужно и ничего больше! Здесь тактика, стратегия и несомненная победа!

– Это хорошо для индустриального государства, а не для нашей Святой Руси с ее деревянными сохами, задымленными избами и знахарями! – запротестовал брат.

– Это хорошо для борьбы одного класса против всего общества – ответил Владимир.

В гимназии все шло по-прежнему. Ульянов постоянно был самым лучшим учеником. Даже если бы не был таким старательным и способным, легко было ему удержаться в этом положении.

Коллеги остались далеко позади. Некоторые из них не вышли за рамки безнадежного мещанства. Шестнадцатилетние или семнадцатилетние юноши имели пристрастие к попойкам и азартной игре в карты; предавались разврату, предпринимали ночные вылазки в предместья, на темные улочки, где угрожающе, дерзко пылали красные фонари публичных домов; флиртовали бесцеремонно с горничными, швеями и приезжающими в город деревенскими девушками, ищущими заработок. Никто ничего не читал, никого ничего не интересовало и не увлекало. Одна мысль руководила всеми: закончить любой ценой гимназию, а после нее университет или другое учебное заведение, стать чиновником и спокойно проводить беззаботную жизнь, озаряемую время от времени значительной взяткой, новым чином, орденом или высшей служебной номинацией.

Был это период омертвения духа, оподления характеров, рабского молчания и безграничной угодливости – скучная, гнилая тряпина жизни, на которую со слепой беспощадностью наступала тяжелая стопа Александра III; период, в котором церковь, наука, таланты гибли перед могуществом династии. Была это тишина перед ужасной бурей; мучительное молчание,

будящее тревогу, перед которой искали спасения для безвольного смирения, бессмысленного бытия, для существования, направляемого с высоты трона помазанника Божия.

Владимир, поняв это, простил «Народу и Воле» необоснованную и отчаянную мечтательность. Чувствовал, что был это стихийный протест. Не шла речь здесь ни о России, ни о народе. Нужно было встряхнуть всю страну, заставить ее выйти из состояния инертности, хотя бы и взрывом адской машины.

Между ним и братом внезапно оборвалась без всякой видимой причины нить близких и духовных отношений. Был он для Александра излишне трезвым, излишне смело смотрящим правде в глаза, излишне строгим. Кроме того, он не скрывал, что не считал брата созданным для революционной деятельности.

Александр писал научные трактаты. Целыми днями сидел, склонившись над микроскопом, изучая каких-то червей. «Настоящий революционер не должен столько времени тратить на каких-то червей! – думал Владимир с негодованием. – В деревне умирают Настьки, преданные в руки диких отцов и темных знахарок; Дарьи и их дочери идут нищенствовать; излюбленной забавой детей в городах является утопление собак и кошек; бушует коллежский советник Богатов; пьет и болтает о смирении и морали отец Макарий; все молчат и ходят с заискивающими минами, а здесь – черви! Кому нужно знать, имеют ли они сердце и мозг, или нет? Здесь о ста двадцати миллионах людей нужно думать, не о червях!».

Владимир почувствовал себя одиноким. У него не было никого, с кем мог бы поделиться волнующими его мыслями. Остался с ним только Карл Маркс. Дерзкий, холодный мыслитель раскрывал перед юношей новые и все более захватывающие истины. Был очень обрадован, получив в одно из воскресений приглашение к профессору Остапову, которого очень любил. Молодой учитель с бледным, почти прозрачным лицом и большими карими глазами приветствовал его с сердечной фамильярностью.

Сжимая ему руки, сказал:

– Давно намеревался пригласить вас к себе, чтобы попросить прощения за нелепости, которыми все чаще угощаю класс. Впрочем, для него это весьма удобоваримая пища, но перед вами, который, как я сделал вывод из вашего ответа, не только много читал, но смог также понять, чем является наша прекрасная современность, чувствую себя всегда пристыженным.

Владимир смутился и что-то бурчал.

– Нет, прошу не перечить! Знаю все же сам и отдаю себе отчет в своих поступках, – прервал его профессор.

– А чего вы хотите? «Рада душа идти в рай, только грехи не пускают!». Не отношусь к героям! Боюсь собственной тени, только что куратора округа или губернатора! Кроме этого, слабый из меня человек, очень слабый!

Он провел гостя в гостиную, где сидело несколько особ, по-видимому, приезжих, так как Владимир никогда их в городе не встречал.

Один из присутствующих, в студенческом мундире, рассказывал о жизни в столицах; картина, представленная с ораторским пылом, с повествовательным талантом и иронией, еще больше укрепила Ульянова в мысли о целенаправленности существования хотя бы мечтательной партии «Народ и Воля».

– Господа! – кончил студент свой рассказ. – Был, как знаете, сослан в Сибирь и скажу вам, что там во сто крат лучше, чем в Петербурге, под опекающим крылом милостивого государя императора, наисветлейшего хозяина всей России Александра Александровича! Там есть ненависть и ожидание чего-то нового, неминуемого. В столице мрак египетский и клейстер; в мозгах – семь худых коров фараоновых!

– Безнадежная ситуация! – буркнул один из гостей.

– И так, и нет! – воскликнул студент. – Все пытаются ни о чем не думать, и, однако, ощущают, что это долго не продлится. Что-то должно случиться!

– Но что? – спросил Остапов.

– Не знаю! Одно только заслуживает доверия, что все больше людей закончит хорошо поставленный университет – тюрьму! Оттуда выходят людишки, готовые на все! – произнес он со смехом. – Не будут это наши доморощенные якобинцы с лояльными душонками, несмотря на театральные бомбы, спрятанные за пазухой!

«Ага!» – подумал Владимир и пошевелился живей на стуле.

Студент взглянул на него подозрительно.

– Гм... – буркнул он. – Молодых гостей пригласил господин профессор.

Остапов усмехнулся.

– Это брат Александра Ульянова, – шепнул он и добавил громко, – Владимир Ильич, несмотря на свой молодой возраст, очень рассудительный молодой человек.

– Если так, это уже хорошо! – произнес студент. – Итак, плыву дальше! Расскажу вам, господа, что виделся с Михайловским, Лепешинским и другими, которые испытали и железных решеток, и чистого воздуха сибирского. Уже иначе болтают, хотя и не так, как те, которые понюхали Маркса.

– Какие же течения? – спросили.

– Течения светлые – никаких разговоров, только революция, общая, всероссийская, против царя всероссийского, вот что! – закончил студент, смелыми глазами смотря на слушающих.

– Всероссийская революция!

Воцарилось долгое молчание. Никто не знал, что можно сказать в отношении такой серьезной новости.

И внезапно отозвался гимназист. Лицо его было бледное, но угрюмые глаза смотрели твердо, голос не выдавал никакого волнения. Чувствовалась в нем даже холодная дерзость:

– Похоже, господа из свежего сибирского воздуха ничему не научились или не поняли Маркса. На дне их души дрожит, как овечий хвост, эта самая лояльность, какую здесь забрасывает «Народ и Воля». И это правда! Партия эта имеет лояльную душу. Вся российская революция не может удалиться – это смешной план! Крестьяне в настоящее время не поднимутся против церкви; против полиции и врачей – разумеется, но истребивши этих враждебных им людей, на коленях поползут к ступени трона и положат царю взятку – головы полицейских и врачей! Революция должна быть направлена не против царя, но против всего, чтобы камня на камне не осталось, чтобы трава десять лет не смела расти на поле битвы! Такую революцию может совершить не глупый, темный народ, но одна организованная, смело выступившая под лозунгом партия!

Все с удивлением слушали юношу с выступающими монгольскими скулами и раскосыми глазами. После долгого молчания студент хлопнул в ладоши и воскликнул:

– Я вам скажу, что об этом мальце услышит весь мир! Запишите, что он сказал в эту минуту. Этому парня с головой как Бога люблю!

С этого времени между Остаповым и его учеником был немой договор. Профессор преподавал историю только для него. Говорил смело и открыто. Особенно он воодушевлялся, рассказывая о декабристах, которых обожал. Рылеев, Пестель, Волконский возбуждали в нем настоящий восторг. Замечал, однако, что Ульянов слушает его с холодным равнодушием. Закончил он лекцию уже с меньшим пафосом и искал позже Владимира в гимназическом коридоре.

– Что вы думаете о декабристах? – спросил, касаясь его плеча.

– Думал, что были романтиками, – парировал он. – Революция, начатая самым слабым, ненавидимым классом – это авантюра, маленький, ничего не значащий эпизод!

Остапов скоро был вынужден изменить тон своих лекций. Сын губернского советника рассказал о них отцу, который донес о неблагонадежном профессоре куратору. Историк полу-

чил первое предупреждение и строгое замечание от директора гимназии, действительного статского советника и кавалера нескольких орденов.

Начались официальные лекции, монотонные, в соответствии с бессовестно фальшивой и дерзко глупой книжкой известного в истории школьного образования Иловайского. Остапов читал лекцию монотонным голосом, уткнувшись взглядом в черную доску стола и не поднимая глаз на класс. Чувствовал себя маленьким, никчемным, почти подлым. Стыд и угрызения совести жгли его ненасытно. Владимир слушал его мрачно и презрительно.

В один из вечеров прибежала за ним служанка от Остапова, чтобы тотчас же посетил его по важному делу. Владимир неохотно оделся и пошел. Остапов сидел в распахнутом шлафроке, небритый, в расстегнутой на груди рубашке. Волосы в беспорядке спадали на потный лоб. Глаза неподвижно и тускло смотрели прямо перед собой бессознательно.

Профессор даже не слышал шагов вошедшего Владимира. Он сидел у стола. Перед ним стоял большой графин с водкой и наполненная до половины рюмка, а рядом зеркало, в котором настойчиво виделся уже пьяный Остапов. Бормотал тихо, загадочно.

– Га! Снова прилетела? Ну и что? Ничего нового и более страшного не узнаешь! Все слышал. Ты дала мне письменное обязательство, я подписал его. Слышишь? Подписал, виселицу!

Он оскалил зубы и со всей силы ударил кулаком по зеркалу. Со звоном и грохотом упало оно на пол, а за ним покатались графин, рюмка и учебник Иловайского.

Отрезвленный резким шумом, он поднял глаза и заметил Ульянова.

– А-а! – протянул он. – Пришел, несмотря что... об этом позже! Садись! Может, водочки? Такой хорошей, сильной, с анисом. Петр Великий такую любил. Наш российский Антихрист! Петр Великий, плотник саардамский, новатор, покоритель гнилого Запада. В начале обокрал его, а позже побил. Хитрая это была бестия – Петр Великий, царь с толстой палкой! Вырубал в курной хате окно в Европу... пообрезал кудлатым боярам бороды и потребовал, чтобы их считали франтами! Весельчак! Сынка своего за любовь к патриархальности святорусской, за привязанность к курным хатам, предрассудкам, к колтунястым завшивевшим бородам, мучил тюрьмой и убил палкой.

Владимир сидел неподвижный, не понимая, что произошло с Остаповым.

– Я пьяный, – засмеялся громко профессор. – Пьяный! Русский человек счастливее других, может убежать от боли, отчаяния, угрызений совести. Западный человек в таких случаях стреляет себе в лоб, бросается в реку или надевает себе петлю из подтяжек, и – капут! А мы ныряем в nirvanу водки-матери! Ха, ха, ха! Да, мой юноша, и вас это не минует, так как имеешь очень много в голове и сердце. Авдотья, давай водки и две рюмки! И шевелись, как самая проворная грация, ради Бахуса.

Испуганная служанка принесла новый графин. Остапов налил в рюмки и подняв свою, произнес:

– In vino veritas! Ave, amice, morituri te salutant. Bibamus!⁸

– Я не буду пить! – резко с отвращением ответил Ульянов.

– Не достоин быть в такой благородной компании... – начал злым, дерзким шепотом Остапов и вдруг съежился весь, побледнел, начал дрожать и оглядываться по сторонам, бормоча, – видишь? Видишь? Там! Там – снова! Как искорки... зажгутся, погаснут и снова зажгутся. Это они! Идут... будут издеваться... проклинать...

Владимир помимо воли смотрел в направлении, указанном рукой Остапова. В полутемных углах таился мрак, на стенах ползли едва заметные тени, бросаемые колеблющимся пламенем лампы и горящими на письменном столе свечами.

– Никого нет! – произнес он спокойным голосом, глядя на профессора.

– Никого? Пока что... не придут. О! Они никогда не простят и придут... – шептал Остапов.

Умолк и немного погодя начал говорить, не глядя на сидящего перед ним Ульянова:

– Иуда предал Христа, любя его, но утративши веру в него, как в настоящего Мессию. Взял за его голову тридцать серебряников, чтобы показать целому свету, что больше не достоин быть простым смертным. Даже вернул эти серебряники *sanhedynowi*. А позже пришли к нему маленькие, проворные, злобные бесы... начали смеяться, тормошить, глумиться... Отмахивался он от них, а они шептали: «Иди на гору, где над обрывом растет сухое дерево!». Повторяли ему это целый день, целую ночь и еще в течение целого дня. Пошел и уселся под деревом, глядя на желтую равнину и на мутную далекую полосу Иордана. Тогда возникло перед ним и ожило лицо Христа; посиневшие, желчью и уксусом напоенные уста пошевелились и шепнули: «Предатель, предал Бога своего». Иуда завязал петлю из повязки веревочной и повис над обрывом... Как жертвоприношение совести. Совесть!

Протер глаза и выпил рюмку водки. Зыркнул бессмысленным взглядом по темным углам и шептал дальше:

– Теперь ко мне прилетают эти бесы... Проворные, сверкающие огоньками и здесь, и там. После них встают во мгле... пять виселиц... а на них повешены Пестель, Рылеев, Бестужев, Каховский, Муравьев... все, которые хотели исправить антихристово безумство Петра. Россию спасти, освятить, поднять. Смотрят на меня ужасным взглядом, ненавидящим, и кричат опухшими губами: «Предатель! Предатель!». Так как это я подчинился куратору, покорно выслушал выговор и за серебряники молчу о святых мучениках. Молчу, как предатель, как трус... О-о! Идут уже, идут! Видишь?

Владимир с трудом успокоил профессора, помог ему переодеться и вывел из дому. Долго ходили они, молча, а когда Остапов полностью отрезвел, пошли к Ульяновым.

Юноша шепнул матери о происшествии и отдал профессора под ее опеку. Остапов провел ночь во флигеле вместе с молодыми Ульяновыми, а назавтра Мария Александровна написала письмо семье профессора, советуя, чтобы кто-то приехал и взял на себя заботу о больном.

Двумя днями позже в квартире Остапова появилась сестра профессора – Елена, шестнадцатилетняя девушка. Через месяц приехал отец – старый военный врач.

Профессор медленно выздоравливал и приобретал душевное равновесие. Не получил только обратно уже никогда ни прежнего спокойствия, ни свободы. Вел однообразную серую жизнь учителя, день ото дня, от чина к чину, от ордена к ордену. Не радовало его это и не будило никаких воспоминаний. Стал равнодушным ко всему, как столько других под этой смертельной тишью, отравленной правлением Александра III – царя, любящего покой, покой кладбищенский.

Глава V

Перед праздниками Рождества Христова господин Ульянов получил новое назначение. Стал директором всех народных школ. Начал он свою работу с посещения учебных заведений во всей области. Воспользовавшись рождественскими каникулами, он забрал с собой Владимира.

Путешествие совершали на почтовых санях, углубляясь порой в редко посещаемые места, где среди лесов таились поселения без церквей и школ, без врачей и властей.

Владимир помнил из лекций Остапова, что весь регион Казанский представлял собой некогда могучее, высокоразвитое Государство Булгарское, после которого не осталось ничего, кроме названия реки Волги. В этот край в XIII веке попали татары, гоня перед собой многочисленные племена, увлеченные монгольской волной, мчащейся на Запад из глубин Азии. Остатки этой орды встречал теперь Володя; были это вотяки, мещеряки, черемисы, чувашаи, мордвина, рядом с татарами и русскими крестьянами. Темный муравейник людей, различающихся между собой одеждой, верой, обычаями и суевериями – первобытными, порой мрачными и кровавыми.

Между поселениями, заселенными туземцами разных племен, преобладала непримиримая вражда. Русские презрительно поглядывали на прежних завоевателей, называя их «татарва» или «белоглазая чужь»; те, со своей стороны, отвечали взаимной ненавистью. Одинокый татарин или вотяк не мог безопасно пройти через русскую деревню; крестьянин-великорос не отважился бы ехать без товарищей вблизи чувашской деревни или черемисской. Споры и стычки возникали даже перед церковью после законченного богослужения или между детьми в школе.

Ульянов стал свидетелем весьма интересного и поучительного зрелища.

Они отдыхали в маленькой деревне, ожидая обеда и свежих лошадей. Юноша пошел на реку, так как издали заметил большое сборище людей. Маленькими группами тянулись они на середину замерзшей реки, устремляясь от деревень, расположенных на двух противоположных берегах.

Над обрывом стояла толпа баб и детей. Крестьянки рассказали Владимиру, что две разделенные рекой деревеньки проводят долго длящийся спор о луге на острове, и, стало быть, решили закончить дело генеральной битвой.

Начали они ее с мерзких ругательств и проклятий, после чего начали биться маленькие ребята; после них – подростки. Продолжалось это, однако, недолго, так как всю эту мелюзгу смели толпы молодых и старых крестьян, бросающихся в вихрь битвы.

Борцы вооружались, зажав в руки камни и обмотавши кулаки толстыми ремнями, как это некогда делали гладиаторы. Наиболее крупные мужики, от которых зависел окончательный успех, размахивали длинными тяжелыми жердями или даже дышлами телег. Стычка продолжалась недолго, так как жители вотяцкой деревни отступили перед смелой атакой татар с противоположного берега. На снегу осталось несколько раненых, а может, и убитых; кровь, словно пурпурные маки, расцвела на льду.

Ульянов думал над тем, каким способом можно было бы привлечь всех этих ненавидящих взаимно туземцев, принадлежащих к угро-финской и монгольской расам, к общей цели. Знал, что было это мечтой, которую безотчетно обманывала партия «Народ и Воля».

– Здесь нужно столько лозунгов, сколько есть племен! – шепнул он с дерзкой усмешкой на зарумянившемся от мороза лице.

В больших деревнях действовали уже недавно основанные народные школы. Владимир с интересом приглядывался к учителям и учительницам.

Заслуживающая доверия их часть спокойно встречала нового директора. Этим людям нечего было скрывать. Те же самые, что в гимназии, учебники, рекомендованные церковью и властью, та же самая программа, оглупляющая и обманывающая. Однако же большинство учителей, как это сразу заметил наблюдательный юноша, не имело чистой благонамеренной совести. В разговоре с директором были они недоверчивы, осторожны, сдержанны. В их глазах легко можно было прочесть недоброжелательность к представителю власти.

Господин Ульянов, однако, этого не замечал. Все на первый взгляд было в порядке. Слушал равнодушные жалобы на плохое обзаведение, нужду, о нежелании населения иметь школу и даже о враждебности к учебе и учителям; это не входило в сферу его деятельности, об этом должны были думать центральные власти. Он был ответственным за надзор, чтобы все происходило согласно инструкции. Он совершал объезд, удовлетворенный и спокойный, не подозревая даже, что в сундуках народных учителей лежат старательно замаскированные брошюры, написанные «народовольцами», расправляющимися с историей Святой Руси смелее, чем должностные «платные» ученые.

Молодой Ульянов возвращался домой с тяжелым сердцем. Понял, что народ не является монолитным потому, что поделенный на враждебные племена, подчиняется местному патриотизму и не знает общих стремлений и начал. Видел бездонную пропасть между деревней и городом, между крестьянством и интеллигенцией, которую крестьяне не понимали и не любили, так как была она для них или воплощением власти, или чем-то дьявольским, со всем ее познанием, наукой и чужими обычаями.

«Только Чингис-хан или другой великий захватчик мог бы дать с ними себе совет! – думал Владимир. – Кровавая рука гнала их совместно на покорение мира, провозжая к желательной для себя цели. Ничего с того времени не изменилось, стало быть, и теперь нужен только новый хан или наш российский дерзкий, грубый анархист – Петр Великий, новатор-мечтатель, с толстой палкой в сильной руке!».

О своих ощущениях юноша обстоятельно рассказал в доме Остаповых. Любили его там все и называли ласково «Волей». Впервые услышал он это имя из уст маленькой золотоволосой Елены и, не зная почему, покраснел до ушей.

Старый доктор Остапов с изумлением слушал рассказы серьезного Воли, говорящего как взрослый человек со сформировавшимися взглядами. Логика, ясная, без преувеличения и порывов мысль, прямая и сильная диалектика заставляли старого доктора задуматься. Порой, думая об этом, формулировал свои впечатления таким образом: «Ни мое поколение, ни ровесники сына не имели такой строгой, ясной и смелой мысли. Га! В жизнь входит молодая генерация, совершенно для нас невозможная. Может, она окажется в состоянии не только строить блестящие дома на глиняных фундаментах, но также существенно соорудить что-то великое и вечное – пирамиду российского Хеопса, например!».

Часами старый доктор разговаривал с Владимиром. Юноша приучал себя к слушанию безразличного, полного сомнений голоса профессора.

Однажды, когда Владимир говорил с глубоким убеждением о возможности смены взгляда на право и моральность, молодой Остапов бросил горькие, бессильные слова:

– Ничего из этого не будет! Россия обречена на гибель...

Все почувствовали холод от этих безнадежных, унижительных мыслей. Только Ульянов внимательно посмотрел на профессора и ответил сразу:

– Россия насчитывает сто тридцать или сто пятьдесят миллионов людей, а на всем земном шаре проживает около двух миллиардов чувствующих и страдающих существ. Пусть же гибнет Россия, чтобы победила правда... общечеловеческая.

– Нет, в самом деле, это уже слишком! – воскликнул врач.

– Не можем установить чисто российской правды, – отвечал Владимир. – Не имеет она ни цели, ни средств.

– А правда «общечеловеческая»?

– Над ней все будут работать совместно: мы, англичане, негры и индусы. Вместе это пойдет легче и быстрее!

– Какая же это правда? – спросил профессор.

– Не знаю еще, но чувствую ее... здесь, здесь...

Сказав это, Владимир пальцем коснулся своего лба.

В уголке, склонившись над рукоделием, тихо сидела Елена. При последних словах Владимира она подняла на него глаза. Когда указал он на свой лоб, прикрыла веки и тихо вздохнула.

После ухода отца и брата, не отрываясь от вышиваемого куска ткани, спросила:

– Убежден ли ты, Воля, что правда умещается в мозгу?

– Да! – отвечал он. – Только в мозгу.

– Я думаю иначе! – возразила она, тряхнув светлой головкой. – Великие идеи только тогда могут иметь власть над людьми, когда превращаются в чувства. Значит это, что в делах творения, утверждения и принятия правды обязано делать сердце...

– Нет! Если сердце вступает в игру, начинаются компромиссы. Не выношу их и не признаю! – воскликнул он резко.

– Значит, Воля, ты никогда не пойдешь за голосом сердца?

– Нет, никогда! Сердце является врагом разума.

Она вздохнула и умолкла, ниже склонившись над столом.

– Почему, Лена, вздохнула? – спросил Владимир.

Долго не отвечала. Владимир терпеливо ждал, глядя, как свет лампы ложится золотыми пятнами на гладко причесанных волосах и ласкает длинные толстые косы девушки.

– Грустно мне... – шепнула она и внезапно подняла на него большие голубые глаза, полные горячих проблесков. – Воля, ты недобрый!

Владимир не отзывался.

– Ты, наверное, Воля, ничего не любишь в жизни?

Он подумал и возразил:

– Желая добра и правды всем людям целого света.

– Значит, любишь?

– Нет! Для этого достаточно разума, – произнес спокойно.

Немного погодя Елена, не спуская с него удивительного, трогательного взгляда, шепнула:

– И никого... не любил?

Хотел ответить, но внезапно смешался и с живым румянцем на лице начал просматривать иллюстрированное издание Пушкина, лежащее на столе.

– Например, любишь ли ты меня, Воля? – донесся до него ее тихий шепот.

Ульянов дрогнул и стиснул зубы.

– Так, как я люблю Волю... как люблю отца, как любила бы мать. О нет! Люблю больше, так, как Бога!

Через стиснутые зубы он ответил:

– Не очень удивительное сравнение! Бога, Лена, нет! Это устаревшая идея, случайно остающаяся в обращении.

Не поднял, однако, на нее глаз, боялся заглянуть в ее зрачки, полные сердечных блесков.

– Для меня Бог существует! Я люблю Его, а рядом с ним Волю! – шепнула она.

– Лена! – бросил он сдавленным голосом, как если бы умолял ее о помощи.

Не видел, но догадался, что она протягивает к нему ручку, маленькую, с ямочками над каждым пальчиком. Он схватил ее, потянул почти грубо, почувствовал у своей груди бьющееся сердце Лены, и так привлек ее к себе и, шуря темные раскосые глаза, впился устами в ее холодные дрожащие губы.

– Твоя, твоя на всю жизнь, до последнего дыхания! – шепнула она с воодушевлением.

– На всю жизнь! – повторил он, и внезапно какой-то холод закрался в грудь юноши. Не знал, или почувствовал фальшь в этих горячих словах, или охватило его злое предчувствие.

Елена, как настоящая женщина, уже планировала всю их жизнь.

– Воля закончит университет и станет адвокатом, защищать будет только самых несчастных, наиболее обиженных, как, например, Дарью, которая пошла странствовать; я закончу медицинский факультет и буду лечить самых бедных и одиноких.

Дальнейший разговор прервал профессор Остапов. Остановился на пороге и позвал:

– Идите, приятели, на ужин!

После этого разговора с Леной Ульянов старался каждую свободную минуту проводить у Остаповых. Забросил даже Маркса. В этом периоде первой любви представлялось ему, что он излишне холодный и суровый.

Мария Александровна догадалась до истины и была довольна оборотом дела.

– Очень порядочная и милая девушка! – призналась она мужу. Из хорошей семьи, серьезная, учтивая. Может, Бог даст, что дойдет это до результата. Радовалась бы этому!

– Естественно! – соглашался Ульянов. – Отец-генерал, лучший врач в городе. Это партия!

– Самое главное, что это очень достойная девушка, рассудочная и с добрым сердцем! – поправила мужа госпожа Ульянова.

– Ну и хвала Богу! – отозвался, потирая руки, отец.

Никто не знал, что Владимир переживал в это время муки сомнения. Чувствовал, что изменяет чему-то, что более важно в его собственной жизни. Припомнил себе пьяного Остапова, рассказывающего об угрызениях совести Иуды. Теперь он понимал, что еще подсознательная, неуловимая измена связана с Леной.

– А если бы сделать так, как с коньками и латынью? Покинуть Лену и взяться снова за Маркса, за свои заметки, за книги?

Не мог, однако, он преодолеть себя и шел к Остаповым, мученическим взглядом смотрел в голубые глаза Елены, улыбался отблескам на ее золотистых косах и чувствовал приятную дрожь возбуждения, когда, морща брови, она внимательно слушала его слова.

Молодой был, не мог понять, что раз представился ему случай сравнения питаемого к этой милой девушке чувства с коньками, отрывающими его от работы, значило это, что не любил ее на всю жизнь, до последнего дыхания.

Не знал этого и боролся с поглощающей его первой любовью. Боролся... поддавался ее сладким чарам и стряхивал с себя чары, чтобы в минуту слабости снова попасть к ней в руки. Ощущал то, что переживали святые во время искушения, уводящего их с божьих дорог. Поддавались соблазну, уже прикасались жаждущими устами колдовской отравленной чаши и... отбрасывали ее, чтобы оставаться в муке, прямо-таки снова валились и мечтали о новом прекрасном видении, соблазнительном, заманчивом. Презирали себя, бунтовали против слабости духа, терзали себя и побеждали во имя Божие, шагая дорогой, покрытой острыми камнями и колючками.

– Во имя какого бога должен бороться? – спрашивал себя Владимир. – Кто требует от меня этой жертвы?

Ответа нет ниоткуда – только где-то в лабиринте мозга скользнула как ловкий змей мысль удивительная, беспокойная, словно наивысшее повеление: ««Должен быть одиноким, свободным от житейских хлопот, ничем не связанным! Отдай все силы, всю мощь разума, весь жар никого не любящего сердца!»».

– Чему или кому должен отдать? – шептал, чувствуя сотрясающую его дрожь.

Снова молчание. Новая борьба, сомнения, угрызения совести, слабость, голубые глаза Лены, золотые волосы и – мука, мука свыше сил!

Александр Ульянов, закончивши с червями и микроскопом, приглашал к себе коллег и знакомых. Во флигеле было шумно почти ежедневно, а комнату наполняли облака дыма и голоса спорящей молодежи.

Когда появлялся старший Ульянов, гордый невыразимо недавно полученным Крестом Святого Владимира, предоставляющим ему наследственное дворянство, молодежь умолкала сразу и завязывала ничего не значащие банальные разговоры. Однако до ушей отца доходили одиночные слова. Были это ужасные слова: революция, свобода народу, геройский поступок Желябова... Делал позднее горькие упреки сыну, говоря, что эта «банда безбожников» доведет до гибели всю семью.

Однако слухи о собраниях в доме статского советника и кавалера Ордена Святого Владимира дошли, наконец, до полицмейстера. Пригласил он к себе Ульянова и по-приятельски предупредил о том, что уже замечен и находится под наблюдением его дом, а особенно Александр Ильич, как он выразился, «молодой человек с незаурядным талантом ученого, но, к сожалению, зараженный преступными мечтаниями масонов и революционеров из партии убийц святого царя, Александра Освободителя». Старик устроил такой скандал сыну и так вспылал, что упал в обморок. Болел тяжело в течение двух недель, присматриваемый доктором Остаповым. Александр перенес свои собрания в какую-то конспиративную квартиру. В доме воцарилось спокойствие и согласие.

Зная, что отец любит шахматы, Александр часто с ним играл, а старик никогда уже не начинал разговора о неуместном для сына кавалера высочайшего ордена и таком опасном поступке. У него не было уже никаких подозрений.

Владимир думал так же. Внезапно это, однако, изменилось, так как однажды, возвратившись домой, заметил торчашую из-под подушки брата книжку. Взял ее в руки и сильно удивился. Она была очень тяжелой. Пользуясь отсутствием брата, он осмотрел ее старательно. Кусок железа, пыльный внутри, снаружи выглядел как книжка.

Страшная мысль блеснула в голове юноши. Сдавалось ему, что он понял все.

– Ты неосторожен, Саша! – произнес он, когда брат вернулся домой. – Такие вещи нужно прятать старательней.

Брат смешался и ничего не ответил.

«Та-ак! – подумал Владимир. – А однако, черви не помешали Александру стать революционером, а у меня Лена отнимает много времени и переводит мои мысли на мещанские, эгоистичные пути. Нужно с этим закончить!».

Не мог, однако... мучили его разные мысли, связанные с открытием, сделанным в комнате брата. Колебался и боролся с собой. Стоял на бездорожье и долго не находил выхода. Поблудил и исхудал ужасно. Молчал, однако, и с отчаянным упорством сжимал уста. Чувствовал себя, как человек, впервые подписывающий смертный приговор.

Продолжалось это в течение целого лета.

Осенью 1886 года внезапно умер отец. Было это тяжелое время. Тогда еще Владимир даже больше любил Лену. Она одна умела утешить огорченную мать и успокоить ее боль и тоску. Госпожа Ульянова никогда не уважала мужа, печалилась, однако, о нем, проживши столько лет в счастье и несчастье. Мария Александровна любила мужа любовью матери. Знала, что этот неразумный, безвольный, угодливый полу-калмык астраханский прошел свою жизненную дорогу благодаря ей, которая будила в нем человеческое достоинство и добавляла значительности и настоящей содержательности его работе.

Дочери Марии Александровны, смелые и интеллигентные, обожали Лену и называли ее невесткой.

Только Владимир уже не делал никаких планов и отказался от мечтаний. Со дня на день ожидал он нового удара, который должен был свалиться на семью и изменить, а может быть,

даже разрушить все. Он один знал об этом лучше, чем даже тот, по замыслу которого удар будет нанесен. Не имел иллюзий и надежд.

В марте следующего года, когда Владимир посещал уже восьмой класс, в городе грянула весть, что в годовщину смерти Александра II от руки Желябова в Петербурге было раскрыто покушение на жизнь царствующего монарха. Среди арестованных заговорщиков был Александр Ильич Ульянов, а среди подозреваемых – сестра Анна.

Отчаявшаяся и придавленная до самой земли огромным несчастьем Мария Александровна решила ехать в Петербург. Дети не могли отпустить ее одну. Обратились, стало быть, к старым добрым знакомым, но никто не хотел восстанавливать себе против власти, показывать близкие дружеские отношения с семьей преступника, поднимающего руку на царя. Некоторые даже не принимали молодых Ульяновых. Старый приятель отца, Шилов, избегал встречи с ними и уже никогда не наезжал на партию в шахматы.

– Интеллигентное общество замарало себя подлостью до остатка, – бросил Владимир и презрительно сплюнул, когда вместе с сестрой возвращался от прежних приятелей, которые не захотели даже впустить их в свое жилище.

В далекую поездку с Марией Александровной под видом сбора информации об условиях приема на медицинский факультет отправилась Лена Остапова.

Несчастливая мать ничем, однако, не смогла помочь сыну. Царь Александр, «любящий спокойствие», умел мстить врагам помазанника Божьего. Просьба матери о замене наказания смертью на пожизненное заключение была отклонена.

На мрачном подворье Шлиссельбургской крепости, которая видела со времен Петра непрерываемую цепь жестокостей, совершаемых с врагами деспотизма, Александр Ульянов был повешен.

Анна Ульянова, старшая сестра Владимира Ульянова.

Фотография. Конец XIX века

Мария Александровна вернулась домой. Казалась с виду совершенно спокойной, только посидела вдруг, глаза ее погасли, а голова тряслась, как если бы исхудалое, изнуренное тело встряхивала никогда не прекращающаяся дрожь.

Елена Остапова назавтра после возвращения пригласила к себе Владимира.

Ульянов заметил большие перемены в любимой девушке. Не была это уже сияющая, погожая Лена. Упала на нее какая-то тень. Голубые глаза вобрали в себя холодное спокойствие, свежие горячие губы крепко сжались, исчез румянец, голос набрал твердого звука металла. Приветствовала она его без прежних взрывов радости и счастливого смеха.

Долго молчала, всматриваясь в осунувшееся, строгое лицо Владимира.

– Хорошо!.. – произнесла она.

Он поднял на нее удивленный взгляд.

– Выстрадал и уже нашел выход для печали и гнева! – шепнула она.

Молчал.

– Знаю, что теперь не время думать о себе, обо мне, о любви, о счастливой жизни... знаю!

Настало время мести за смерть Александра.

– О да! – вырвалось у Владимира.

– Рассказывали мне о процессе террористов. Было их несколько... Те, которые замыслили все дело, свалили все на Александра и его товарищей. Партия, охваченная ужасом и деморализованная, спряталась, распалась... Труссы! Мерзавцы!

Ульянов нахмурил брови и молчал.

– Обязательно нужно показать власти, что процесс не погас! Новые бомбы должны быть брошены! Гнев народа нужно поддержать! Не сомневаюсь, что ты об этом думаешь и решишь пойти по следам брата. Воля, ответь!

Владимир еще ниже опустил голову и молчал в оцепенении.

– Говори! – шепнула страстно. – Твои сестры поклялись быть врагами Романовых, а ты молчишь? Боишься? – спросила она.

Ульянов поднял голову. Строгое, ожесточенное лицо его было спокойно. Темные глаза смотрели холодно.

– Не боюсь! – бросил он сухим, хрипящим голосом.

– Итак, что решишь?

Опершись головой на руки и не глядя на Лену, сказал, как бы исповедуясь перед самим собой:

– Знал давно, что брат намерен совершить покушение. Я нашел у него часть адской машины. Ужаснуло меня это... ни минуты не сомневался, что закончится это его смертью. По причине неуспеха повесил его Александр III; если бы покушение удалось, совершил бы это его преемник. Другого выхода не было, не могло быть! Я имел возможность предупредить несчастье, упросить брата, рассказать обо всем матери. Не сделал этого. Только я знаю, какие муки перенес! Позволил Александру выехать с бомбами... на смерть. Не мог поступить иначе! Человек должен жить для идеи и цели, забывая о себе. Нельзя было его удерживать.

Прервался и смотрел неподвижно перед собой.

– А теперь? Что будешь делать? Молчать? Страдать? – спросила Лена и коснулась рукой лба Владимира.

Он взглянул на нее прищуренными глазами и произнес, подчеркивая каждое слово:

– Я следующую бомбу не брошу! Это игра в геройство. Глупая, убогая забава. Бесцельное проливание крови. Я клянусь отомстить Романовым, но еще не пришло для этого время. Придет вскоре... тогда польется кровь. Море крови!

– А если это время не придет?

– Придет. Я его ускорю! – ударил он кулаком по столу.

Лена посмотрела на него с изумлением. Думала, что этот юноша бросает пустые, шумные фразы, чтобы обмануть ее и себя, оправдать свою трусость и пассивность. Внезапно она заметила на себе его острый взгляд. Владимир стал похож в этот момент на хищную птицу. Терзал ее и добирался до самых тайных закоулков ее мозга. Интуитивно чувствовала, что видит все и понимает каждое колебание ее мысли.

Опустил глаза и сказал:

– Не бойся, ничего и никого не намереваюсь обманывать! Сердце приказывает мне бросить бомбу, сейчас, не затягивая, но разум подсказывает, что минута для мести созреет тогда, когда закончу расчет за все века и когда начертан будет план для веков будущих. Я это сделаю, Лена!

Великая сила и горячий порыв грозно зазвучали в сдавленном голосе Владимира. На одно мгновение подчинилась она этому впечатлению, но только на одно мгновение. Вместо этого пришло сомнение и болезненное подозрение о неискренности, о попытке отвлечения ее внимания в другую сторону. Молчала, глядя на него с упреком. Он снова впился в нее острым взглядом раскосых глаз, и бледная усмешка пробежала по его губам. Встал. На лице появилась нерешительность. Шипящим, почти злым голосом произнес:

– Мог бы уйти сейчас без слов, *Лена*. Знаю, что ты обо мне думаешь, не буду оправдываться. Сделаю так, как хочу! Скажу только, что ты являешься единственным человеком, которого любил, и последним. Вернусь к тебе, когда исполню то, о чем говорил здесь минуту назад!

Она крепко сжала его руки и шепнула:

– Я тебя никогда не забуду...

Ждала, что приблизится к ней и, как обычно это делал, ласково прижмет к себе в молчании.

Владимир не сделал этого. Окинул ее еще раз загадочным, неуловимым взглядом и подумал с неприязнью и пренебрежением: «Не поверила! Считает меня трусом!».

Сразу стала она для него чужой, ненужной; еще мгновение, еще одно слово, и могла бы стать врагом, для которого не знал бы другого чувства, кроме ненависти.

Не оглядываясь больше, он вышел.

Даже не мучился с разлукой и не тосковал о Лене. Из гимназии возвращался домой, проводил все время с матерью, учился самозабвенно и читал. Стал еще более молчаливым и собранным. Мать спрашивала его о причине разрыва знакомства с Остаповыми. Солгал, говоря, что ему намекнули, чтобы не подвергал Остаповых неприятностям по причине близких отношений с семьей террориста.

– Пусть профессор Остапов спокойно получит орден, о котором он давно мечтает, – закончил он со смехом.

Оставшись в своей комнате, подумал, что все-таки сделал низость, что оподлил в глазах матери старого приятеля, золотоволосую Лену и бесцветного, безразличного ко всему профессора.

– Эх! – махнул он рукой презрительно. – Все хорошо, что побыстрее и попроще ведет к цели! Теперь, по крайней мере, будет спокойно!

Очень быстро он обо всем забыл. Готовясь к экзаменам, учился как бешеный.

Экзамены прошли великолепно. Владимир Ульянов был награжден золотой медалью и пошел в Казанский университет, записавшись на юридический факультет.

Выпускник Симбирской гимназии Владимир Ульянов.

Фотография. Конец XIX века

На каникулы вместе с матерью и сестрами он поехал к тетке, а когда осенью возвратился, узнал от коллег, что доктор Остапов с дочкой выехали в Петербург, а профессор был назначен инспектором гимназии в Уфе.

Владимир вздохнул.

Постоянно бдительный, контролирующий самого себя, установил он, что не был это вздох грусти, скорее, облегчения, сознания окончательной ничем не связанной свободы.

– То, что потерял, было дорогим. То, что приобрел, является большим, как самый замечательный клад! Свобода! – шепнул он себе.

Чувствовал себя могучим.

Глава VI

Университетская жизнь в Казани была значительно более буйной, чем в столицах под не прекращающимся ни на минуту надзором жандармов и полиции политической, к которой тайно принадлежали некоторые студенты и профессоры. Там, кроме карьеристов, составляющих преобладающее большинство, существовали многочисленные круги студентов, мечтающих о смене отношений в России. Все, однако, были настроены против «народовольцев», или «эсеров».

Владимир Ульянов сразу был втянут в эти кружки, участвовал в их конспиративных собраниях, взялся даже за написание брошюр и прокламаций для народа. Однако его сочинения отбрасывали с негодованием. Не отвечали они мыслям предводителей и были признаны ересью за измену идеалам партии.

Ульянов ретировался из круга революционных коллег и затаился, ожидая благоприятного случая для атаки на всю партию «народовольцев», которую основательно узнал.

Недолго ждал. В Москве и Петербурге по причине жестокости полиции студенты объявили забастовку и перестали посещать высшие учебные заведения. Казанский университет поступил по их примеру. На митинге, проходящем в актовом зале, предводитель эсеров выступил с длинной речью, требуя резкого протеста против господствующей системы и манифестации на предмет созыва Учредительного Собрания.

После оратора на кафедре появился невысокий, широкоплечий студент с выдающимся монгольским лицом. По залу прошел шепот:

– Это брат повешенного Александра Ульянова...

Владимир слышал это и смотрел на собравшихся злыми сощуренными глазами.

– Коллеги! – воскликнул он. Речь моя будет короткой. Поведаю вам, что являетесь вы стадом баранов, ведомых козлами.

Шум удивления и гневный глухой гул пробежал по толпе студентов.

– Прочь его! Прочь! – закричали несколько голосов.

– Слушаем! Слушаем! – кричали другие студенты.

– Ваши предводители мечтают, чтобы царь и его правительство услышали глупые требования созыва Учредительного Собрания. Хотят они принудить к этому эту силу скулением или личным террором. Коллеги, эта дорога достойна глупцов.

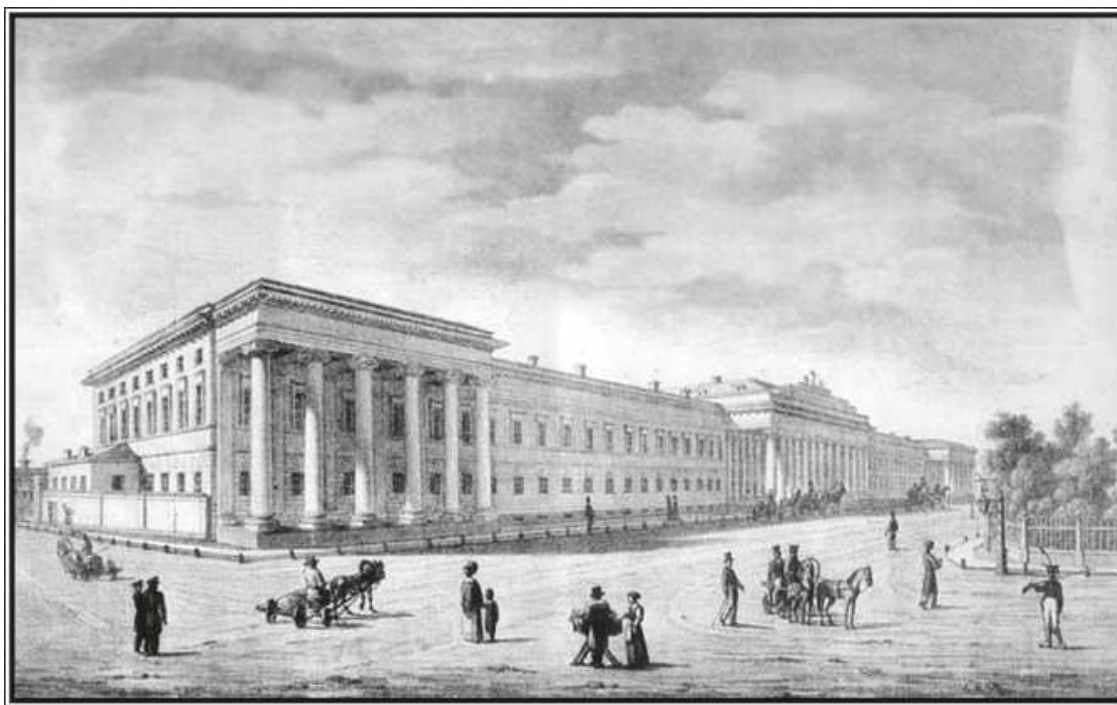
– Прочь! Прочь! – поднялись гневные восклицания.

– ...достойна глупцов, запомните это себе хорошо! – продолжал Ульянов. – Царь есть помазанник Божий, и такового следует остерегаться...

– Bravo, коллега Ульянов! Bravo! – заудела лояльная часть студентов.

– Не называть фамилий! Среди нас шпики! – раздались остерегающие голоса.

– Царь, помазанник Божий, считает, что его власть не потому святая, что божественная. В этом убеждении был воспитан, и следовательно, имеет мысль, направленную иначе, чем наша. Не знает мещанской моральности и трусости. О, цари смелы! С легкостью прерывают жизнь подданных и охотно отдают свою! Террором нельзя их утратить, а что только глупыми, бессильными протестами студентов и смешными безвольными формулами «народовольцев» об Учредительном Собрании! Почему эсеры не требуют, пожалуй, распределения земли на Луне?!

В. С. Турин.

Императорский Казанский университет. 1832 г.

– Bravo! Ату, топи этих якобинцев! – раздались веселые крики.

– Прочь! Прочь провокатора! Срывает забастовку! – кричали, размахивая кулаками, члены крестьянской партии.

– Дадите мне закончить или нет?! – крикнул, хрипя, Ульянов. – Бойтесь правды?!

– Пусть говорит! Пусть говорит! – поддержали его.

Над залом нависла угрожающая тишина.

– Учредительное собрание означало бы отстранение от трона царских лакеев. Кормимые и щедро оплачиваемые не захотят лишиться теплого угла. Га, они не такие глупые, мои дорогие! Кто, следовательно, послушается ничем не подкрепленных требований наших якобинцев в чиновничьих шапках и с душами таких же лакеев, может, чуть бунтующих но мечтающих о теплом уголке у жирного царского пирога? Кто?

– Предатель! Клеветник! Правительственный агент! – кричала разъяренная партия «народовольцев».

– Молодец! Дай им огня! – смеялись лояльные и беспартийные.

Однако все слушали дальше, так как дерзкий оратор поднял руку и угрожал взглядом.

– Не этой дорогой, коллеги! Хотите протестовать? Хорошо! Иду с вами, но пойдемте в казармы, к солдатам – крестьянским сыновьям, в деревню, соберем силы и с оружием в руке покажем, что умеем требовать и что все окажемся в состоянии пасть за выполнение нашей воли! Пойдемте, но сразу, не отвлекаясь, так как через час шпионы переловят нас, лояльные и беспартийные трусы им помогут, а партия «народовольцев» шмыгнет в кусты, оставив кого-то на съедение, так как предводители нужны для писания прокламаций с чепухой и небылицами для детей!

Взорвалась настоящая буря криков, ругательств и оскорблений.

– Прочь провокатора! Выбросить за дверь клеветника! По какому праву разговаривает таким тоном? Срывает митинг! Предатель!

Митинг действительно был сорван, потому что между студентами разгорелся спор, и даже драка.

Ульянов стоял на кафедре и слушал внимательно, презрительно. Когда шум на минуту утих, бросил дерзким голосом:

– Сдается мне, что нахожусь на собрании российского Учредительного Собрания, так как этим по существу может быть... но я ее разгоню на все четыре стороны!

Спокойно покинул кафедру. Глядя твердым взглядом, шел между расступающимися перед ним студентами, мечущими в него проклятья, и покинул зал. Вышел в коридор, где ждали его коллеги Зегжда и Ладыгин.

Ульянов взглянул на них и шепнул:

– Теперь бежим, так как опамятуются и захотят меня побить!

Они быстро убежали. Владимир угадал. Студенты гордо вышли из зала и погнались за убежавшими. В данный момент появилась полиция и кучера. Начались аресты. Среди задержанных студентов был Владимир Ульянов.

Университетский совет, совещаясь вместе с чиновниками административных властей, долго раздумывали: или Ульянова отдать под суд, или нужно наказать его иначе.

Наконец решили навсегда исключить его из университета и выслать в Кокушкино под надзор полиции. Потому что все признали, что он отлично высмеял партию «народовольцев» и парализовал ее намерение вызова студенческим общежитиям.

– Этого молодого человека я бы охотно принял на хорошую должность в тайную полицию! – высказывался жандармский полковник.

– Не пойдет! – буркнул инспектор университета.

– Знаю! – усмехнулся жандарм. – Впрочем, не был бы уверен в таком агенте; мог бы сыграть двойную роль. Бывали уже такие случаи!

В этот день Владимир в сопровождении усатого вахмистра жандармов выехал из города. В дороге думал о том, что если бы Елена

Остапова жила в Казани, то, узнав о его речи на митинге, считала бы его за никчемного предателя и провокатора.

На этой мысли он усмехнулся зло и, глядя на вахмистра, сказал ему:

– Жизнь, забавная история, господин жандарм!

– Э-э! – ответил полицейский с неохотой. – Ничего забавного. Пенсия маленькая, работы много...

– Ой! – воскликнул, развлекаясь, Ульянов. – Боюсь, что господин перейдет к «народовольцам», так как они защищают всех обиженных, значит, и вам пообещают повыше пенсию.

– Шутишь, господин студент, а мне в самом деле не до смеха! Жена рождает через месяц, а добавки к пенсии как не было, так и нет! – буркнул вахмистр.

Владимир чувствовал себя превосходно. Какая-то великая радость охватила его. Все вокруг покрывало белое снежное полотнище, мороз крепчал с часу на час; ему же казалось, что уже пришла весна, лучистая, наполненная избытком живительных буйных сил.

Чувствовал он себя совершенно освобожденным. Порвал со всем, что связывало его с упорядоченной, серой, мещанской жизнью. Теперь он мог начать идти дорогой, которую с такой обстоятельностью себе представлял, обозначив на ней каждый шаг. Судьба его была решена, и Владимир верил, что суждено ему было использовать ее до конца, претворить в жизнь все мысли, которые уже в течение нескольких лет складывались в его голове и принимали форму, отлитую из стали.

– Теперь только буду учиться! Учиться! Учиться!

Ничего уже не могло оторвать его от учебы. Знал, что не впутается ни в какие политические авантюры. Порвал так решительно все отношения с «народовольцами», что никто из этой партии во всем Поволжском крае не заглянул бы к нему. С другой стороны, были обращены на него глаза полиции, жандармов, шпииков. Каждый его шаг, каждое громкое заявление были бы известны властям.

Улыбался этим мыслям, как если бы приносили они ему неслыханное, созданное в мечтах счастье.

В своей комнатке, в Кокушкино, накинулся он на страстное увлечение, в настоящее неистовство обучения. В течение двух лет он прошел весь курс обучения юридического факультета и был готов к защите диплома. Послал прошение о допуске его к экзаменам в Казани или Петербурге, но получил категорический отказ, тогда многократно начал процедуры о позволении на выезд за границу. Не принесли они, однако, никакого успеха.

Одного только добился он в течение этого времени. Потому что узнал, что его изгнание продлится три года. Скоро выхлопотали для него право возвращения в Казань.

Ничего, однако, не притягивало Владимира к городу, который закрыл перед ним университет. Решил, таким образом, переселиться в Самару.

В это время он закончил громадную работу. Познакомился с трудами всех социологов и особенно старательно и всесторонне проштудировал Маркса.

Критически и трезво глядящий на жизнь, молодой человек должен был признать, что в самарском изгнании стал серьезным теоретиком марксизма. Не выносил теории, пренебрегал ей, а также людьми сухой, формальной доктрины.

Успокаивал себя, рассуждая таким образом: «Каждый врач, в первую очередь, является только теоретиком. Однако когда проведет с менее или более благоприятным результатом несколько родов или зарежет несчастного пациента, становится практиком и помогает человечеству в борьбе со страданиями. Несомненно, так тоже будет со мной. Охотно сделаю не одну, но тысячу вивисекций, чтобы стать хорошим специалистом!».

Испытывал он порой непреодолимую жажду, чтобы выступить для широкого круга.

Для какого? Для провинциальной интеллигенции, пьяной, играющей в карты, тупой и ко всему безразличной? Для слепых, исповедующих формулки «народовольцев»? Для крестьян?

«Нет! – думал он. – Это не является материалом для переделки с помощью написанного слова! Там требуется кулак, палка или более эффективные инструменты насилия!».

Совершенно случайно наткнулся он на более восприимчивый класс.

В доме, в котором проживал, часто встречал сторожа, всегда пьяного и минутами страшного в своем бешенстве. Бил он тогда свою бабу и детей; гонял собак, угрожал им метлой и кидался на всех.

– Что с вами произошло, Григорий? – спросил однажды Ульянов, подходя к сторожу.

– Пусть все черти возьмут! – гаркнул с яростью Григорий. – Земли мало, а и это поле, что нам принадлежит, ничего не родит! В городе зимой никакого заработка! Безработный брат сидит у меня на шее, и я должен его кормить... Откуда на это взять?!

Владимир сел в тот вечер и написал две листовки – каждая в пяти экземплярах. Одна была о пролетаризации крестьянства, другая – о безработице. Спрятал их в ящике с картошкой и пошел к Григорию. Долго выслушивал его жалобы, выспрашивал о жизни в деревне и о тяжелой судьбе безработного, рассказывал, объяснял, советовал.

Результат был неожиданный и быстрый. Братья стали его помощниками и старательно разносили прокламации по соседним деревням и фабрикам.

На второй год изгнания Владимир познакомился с живущей в том же доме девушкой. Небольшая, смуглая, с черными глазами и толстыми губами, улыбалась она ему бесстыдно и заманчиво. Узнал от Григория, что занималась она шитьем платьев, но не пренебрегала другим, более легким заработком, принимая у себя мужчин.

Встретивши ее на лестнице, Ульянов спросил:

– Девушка, вас зовут Груша?

– Откуда вы меня знаете? – ответила она вопросом на вопрос и засмеялась вызывающе.

– Губернатор мне об этом сообщил! – ответил он шутливо.

– Этот ко мне не приходит... – парировала она. – Мои гости, это не такие большие господа! Может, и вы ко мне зайдете?

– Зайду! – согласился он. – А когда?

– Хотя бы сегодня вечером... – шепнула она.

Пришел. Оглядел комнатушку. Обычное логовище бедной проститутки. Широкая кровать, столик, два стульчика, умывальник, на стенках две олеографии, представляющие обнаженных женщин, и несколько порнографических фотографий. Нетипичным добавлением выглядела швейная машинка и икона Христа с горящей перед ней масляной лампадкой в углу.

– Га! – воскликнул Ульянов веселым голосом. – А что тут делает Сын Божий? Нагляделся, бедняк, на разные потехи, происходящие на этом ложе!

Девушка, уже расстегивающая на себе блузку, вдруг стала серьезной. Искры мрачного гнева засверкали в ее глазах.

– Пусть смотрит! – прошипела она. – Должен знать, что спас мир, а бедных людей не сумел вырвать из нужды! Должны сами себе давать совет, кто как может: один с ножом в руке, а я на этой кровати. Пусть же смотрит!

Ульянов задумался. Представил себе проститутку, полную ненависти и понимания собственной нужды, в минуту, когда дали бы ей нож в руки и сказали: «Иди и мсти безнаказанно!». Погуляла бы она! Усмехнулся помимо воли и с сочувствием взглянул на девушку. Сама того не зная, научила его великому делу – использованию силы ненависти.

Заметила его улыбку и спросила подозрительно:

– Почему смеешься?

Чтобы не выдать свои мысли, ответил:

– Христос для вас был немилосердным, а в то же время горит перед ним лампадка. Поэтому смеялся...

Она пожалала беспечно плечами и буркнула:

– Пусть знает, что я в сердце ношу доброту...

Взглянула на гостя и произнесла серьезно:

– Ну и что? Мне раздеваться? Э-э, ты какой-то странный, другой!

– Поболтаем с тобой без раздевания, – ответил он весело. – Не опасайтесь, я заплачу!

– Глупый! Я только за работу беру деньги! – воскликнула она – Я не нищая, которая стоит у церкви с протянутой рукой.

С Грушей Ульянов быстро подружился.

Бывал у ней также, как ее клиент, оплачивая регулярно, и тогда говорила она ему бесцеремонно «ты» и относилась к нему достаточно грубо. Но чаще посещал ее как знакомый и сосед. Угощала тогда его чаем с баранками, разговаривала серьезно, собранная и стыдливая. Перед его посещениями прибирала кровать и выносила умывальник в сени. Возвращаясь к нему, говорила с уважением: «Владимир Ильич», не позволяла никакой вольности себе, и даже шуток.

Когда произошла забастовка на фабрике Злоказова, Ульянов написал прокламацию о тактике рабочих и саботаже, а ее копии раздавала Груша, имеющая там многочисленных знакомых. Ее арестовали, доставили в следственный отдел, голодом, битьем требуя названия организации, к которой она принадлежала. Ничего не сказала и не выдала Владимира. Наказали ее на два года тюрьмы.

Ульянов скоро о ней забыл. Была она для него маленькой, крошечной, едва заметной вехой на его дороге, бегущей в неизвестную даль, где только он один отчетливо видел свою цель, ничем не затуманенную, всегда светлую.

Напомнил ему о девушке брат сторожа, вернувшийся из тюрьмы, где навещал какого-то крестьянина.

– Груша велела передать привет и сказать, что для нее безразлично, где сгнить – в больнице или в тюрьме.

Ульянов пожал плечами, как если бы говоря: «Ну, это и хорошо!».

Не имел времени морочить себе голову такими мелочами, обломками жизни. Окруженный словарями и учебниками для самостоятельного обучения, он изучал в этот период иностранные языки.

Хотел ли он думать о смешной проститутке, зажигающей жертвенную лампадку перед святым образом, поглядывающим на ложе распутства? Не было у него ни тени сентиментальности. Не был согласен он со сравнением этой падшей девушки с маленькой лампадкой жертвенной. Для него была она щепкой, отколовшейся при рубке леса жизни, когда речь шла о трущобе – густом, мрачном, непроходимом бору.

Глава VII

Веселость и радостное ощущение свободы не покидали Владимира Ульянова. Ничто не могло заглушить или хоть бы омрачить этого настроения. Полученные им сведения о смерти сестры Ольги, горе и болезни матери скользнули по нему, как временные тени, исчезающие без следа. Чувствовал он себя как вождь на поле битвы.

Все стало основательно изучено, обдуманно, приготовлено. Враг, в свое время окруженный со всех сторон, получит сокрушительный удар. Победа интуитивно чувствовалась так отчетливо, что при мысли о битве какая-то пленительная дрожь пронизала вождя.

Нетерпеливо поджидал он окончания пребывания в Самаре.

В конце концов настал долгожданный день. Ульянов в это время выехал в Петербург; месяц назад подав прошение о допуске его к дипломному экзамену в университете. Ни с кем не поддерживая отношений в столице, он сдал экзамены и вошел в списки адвокатуры.

Читая подтверждающий это документ, улыбнулся загадочно. Вспомнил голубые глаза и золотоволосую головку, склонившуюся над столом. Промелькнула у него мысль: «Елена живет в Петербурге. Мог бы пойти к ней и сказать, что один мелкий этап прошел и что пройду все, ибо так решил!».

Скривил губы презрительно и шепнул:

– Зачем?

Вернулся в Самару, где поселилась Мария Александровна, и начал адвокатскую карьеру. Первое переданное ему дело касалось защиты работника, обвиненного в краже. Ульянов навещал своего клиента в тюрьме. Небольшой человек со злыми, бегающими глазами, увидев адвоката, начал клясться на всем святом, что ничего не трогал и что был обвинен за кражу по причине ненависти, питаемой к нему купцом.

– Когда-то на митинге, господин адвокат, сказал ему, что он дерет наши шкуры и пьет кровь. Отомстил теперь мне... – утверждал рабочий.

Этого было достаточно молодому защитнику.

Выступил он в суде и пытался доказать, что кража в заслуживающих доверия обстоятельствах не может быть наказуема, потому что работник мог тайно забрать какую-то дорогую часть машины и ее обратить в деньги, если бы имел преступные инстинкты, с точки зрения привычного права. Он не сделал этого, руководствуясь признаваемой всеми моральностью; только теперь, по причине враждебных против него чувств торговца, был задержан, пригвожденный к позорному столбу тяжелого обвинения.

Старый, серьезный прокурор, усмехаясь снисходительно, указывал на неопровержимые аргументы и доводы, свидетельствующие против подсудимого.

Ульянов отражал это своими аргументами. Прокурор, в свою очередь, отбивал утверждения защитника. Дело, мелкое и обычное, протянулось до вечера. Наконец, обвинитель и защитник исчерпали свои аргументы и умолкли.

Самара. Фотография. Начало XX века

Председатель суда, раздраженный долгой процедурой, строгим голосом произнес, обращаясь к обвиняемому:

– Подсудимый! Вам принадлежит последнее слово!

Скучающий, голодный и зевающий работник встал лениво и буркнул:

– Не знаю, зачем было столько болтовни! Украл так украл, но что в этом особенного? Не я первый, не я последний...

Владимир Ульянов проиграл дело. Посмотревши на клиента, прокурора и суд, фыркнул беззаботным смехом. В зале воцарилась веселость.

Этот анекдотический дебют молодого адвоката решил его карьеру. Несколько следующих дел Ульянов снова проиграл, следовательно, отказался от практики.

Понял, что не имел способности для обращения в границах твердых параграфов уголовного кодекса, не умел использовать факты в строго ограниченной плоскости права. Хотел, вернее, подчинить право случаю, порой отбрасывал его компетенцию в области некоторых явлений в более широком значении. Доказывал, что справедливость бывает разной для отдельных слоев общества. То, что хорошо и справедливо для взяточника-чиновника с университетским образованием, не может быть применимо по отношению к темному крестьянину или всегда голодному рабочему. Порой помимо воли становился обвинителем, защитником и судьей в одной особе. Такая логика Ульянова встречалась с дерзостью или презрительной усмешкой квалифицированных судей. В ходе одного дела прокурор заметил язвительно:

– Защитник, по-видимому, намеревается стать законодателем, водворяющим в кодекс совершенно новую идею!

– Да! Именно такое намерение! – тотчас же ответил Ульянов с таким выражением лица и таким тоном, что никто не мог понять, или этот бездарный адвокатик говорит серьезно, или издевается.

Отказываясь от карьеры юридической, Владимир начал изучать новый устав фабричный и углублял свои знания в области социологии. Работал над брошюрой о рынках, экономических ошибках народной партии и начал писать большой трактат под названием «Друзья народа», обозначая в ней отчетливые дороги и цель борьбы, которая должна была начать

социал-демократическая партия, организованная только под влиянием теории Маркса и Энгельса на территории России.

Не закончивши с этим, выехал он в Петербург, чтобы искать в столице подобно мыслящих людей. Не нашел их, однако. В кружках марксистов предводительствовала либеральная интеллигенция, посматривая на социализм теоретически, видя в нем историческую фазу экономического развития, в которой массы населения играли пассивную роль.

Люди не выходили за границу господствующей идеологии, мечтали о переменах существующего права и государственного порядка в отношении приближающейся новой фазы исторической в развитии общества. Метался бессильно, не видя выхода из лабиринта противоречий и усыпляя власти действиями скромной работы над распространением среди рабочей массы брошюрок либерального «комитета просвещения». Однако даже такая невинная деятельность была вынуждена скрываться во мраке конспирации, так как строгая царская власть преследовала ее и искореняла беспощадно.

Ульянов несколько раз встречался с руководителями комитета просвещения и кружков, распространяющих просвещение рабочего класса. Встречи эти закончились внезапным разрывом. Смотрел он на петербургских марксистов с таким плохо скрываемым презрением, что доводил их до негодования, хотя не один из приверженцев Маркса под изучающим взглядом прибывшего с Волги «товарища» чувствовал себя смущенным, удрученным и спрашивал себя: «Какие из нас революционеры?!».

– Имеет ли ваша партия целью революционную борьбу за социалистическое устройство России? – бросал им вопрос Ульянов глухим, хриплым голосом.

– Несомненно! – отвечал ему марксист. – Знаем, что должны начать классовую борьбу.

– А в это время занимаетесь раздачей оглупляющих брошюрок убогого комитета просвещения, руководимого либеральной интеллигенцией, всегда безвольной, трусливой, отравленной до сердцевины, до последней клетки мозга буржуазной идеологией. Что ж? мы вам этого не запрещаем! Идите своей дорогой к собственной гибели.

Такое утверждение оскорбило всех.

– От чьего имени, каких «мы» разговаривает с нами товарищ Ульянов?! – восклицали со всех сторон.

Владимир морщил брови и шипел в их сторону:

– Говорю вам от имени тех, которые начинают уже разрывать всяческие отношения с так называемым обществом и скоро протянут руки естественному врагу, буржуазии, с которым они ничего общего не имеют и иметь не хотят.

– Кто это? Где находятся такие фракции?

– Узнаете об этом скоро! – отвечал Ульянов, и уже никогда больше не видели его на собраниях кружков петербургских социал-демократов.

Возмущались им, так как слышали, что называет их презрительно «жаворонками буржуазного либерализма». Забыли бы они о дерзком марксисте приволжском, если бы не целый ряд произведений этого загадочного человека.

Были это так называемые «желтые тетрадки», изготовленные на гектографе и набирающие все более широкую и необычайную популярность. Написанные простым или, вернее, вульгарным темпераментным стилем, идеально приспособленным для подчеркивания основной мысли, не могли они быть причислены к сочинениям литературным или научным. Носили черты серьезности и гнева фанатичных отцов церкви, имели характер папской буллы, полной уверенности в своей непогрешимости, приковывали внимание смелостью революционного подхода.

Одновременно автор «желтых тетрадок» вышучивал, делал посмешищем либералов и «обмундированных» социалистов, бросал на них тень подозрения, сдирал обаяние, которым они были окружены в рабочих кругах невежественных и не имеющих здравого суждения о

людях. Социал-демократы, как некогда «народники», почувствовали в Ульянове сильного противника, хищного, коварного тигра, умеющего нападать с разных сторон, всегда внезапно и изо всех сил.

В это время Владимир путешествовал по России, задерживаясь в фабричных городах. Знакомился с рабочими, которых слушал внимательно и спокойно.

Однако когда уезжал, рабочие повторяли сакраментальную фразу:

– Не признаем государства, общества, закона, церкви и моральности! Не хотим ниоткуда помощи! Мы становимся силой и в кровавой борьбе добудем по собственной воле, совместными силами свободу и справедливость в соответствии с собственным пониманием!

В этот период Владимир познакомился с двумя достаточно интеллигентными рабочими – Бабушкиным и Шалдуновым – и вместе с ними вовлек в организацию других рабочих, писал прокламации и брошюры, бросал их в среду работающего пролетариата, сея первые зерна жестокой борьбы с целым обществом.

В Петербурге, работая в рабочих кружках, где он преподавал социологию, читал и комментировал Маркса, а также знаменитый «Коммунистический манифест», и еще более расспрашивал, слушал и думал о просыпающихся для действий душах людей бездомных, неуверенных в завтрашнем дне, никем не защищенных и безнаказанно эксплуатируемых.

В одном из кружков, организованных в фабричном районе Петербурга – Охте, познакомился он с работницей фабрики Торнтонна. Красивую крупную девушку с льняными косами, пышной грудью и смелыми глазами звали Настей. Ульянов, пожимая ее небольшую, но твердую ладонь, вспоминал Настьку из Кокушкино, избиваемую пьяным отцом, обманутую молодым дворянином и убитую деревенской знахаркой.

«Эту никто не обманет! – подумал, глядя с улыбкой на работницу. – Решительная и смелая женщина. Не даст себя в обиду!».

В этот вечер он говорил об Эрфуртской программе. Работницы слушали сосредоточенно, а он, по своей привычке, подчеркивал слова, повторял наиболее важные пункты и пытался возбудить в слушающих стремление для выявления воли и действий.

Не чувствовал, однако, себя спокойным. Присутствие красивой Насти, пышущей молодостью, стихийной силой и жаром крови, раздражало его. Помимо воли задерживая на ней свой взгляд, все чаще искал ее зрачки, а в них – ответа на молчаливый вопрос. Видел ее дерзкие, гордые, почти смелые глаза, в которых прочитал также не высказанный устами вопрос. Высокая, пышная грудь бурно волновалась. Упругое сильное тело мгновениями напрягалось чувственно и лениво.

Взгляды, бросаемые Ульяновым на девушку, заметил Бабушкин. В перерыве, когда подали чай, он подошел к Владимиру и шепнул ему на ухо:

– Настя Козырева – грамотная девушка и партийный товарищ, только предостерегаю вас в отношении нее, потому что она не совсем свободна.

– Какие у вас подозрения? – спросил Ульянов.

– Никаких! Ничего плохого не хочу о ней сказать. Знаю только, что любит она веселую жизнь и обольщает молодого фабричного инженера. Он ее очень любит, и она то принадлежит ему, то месяцами его избегает...

– Не говорили ли вы ей, что не следует связываться с буржуазией? – спросил он.

– Нет! Нам это на руку. Через нее узнаем, что намеревается делать против рабочих фабричная дирекция.

– А-а! – протянул Ульянов. – Не нужно запрещать ей этих интрижек.

Сказал это и почувствовал большую досаду. При этом отдавал себе отчет, что ревнует Настьку.

– Я провожу вас домой, товарищ! – шепнул он, подходя к ней.

Она взглянула на него быстро и блеснувши глазами, ответила лениво:

– Благодарю...

Долго ходили они по темным улицам предместья, дошли до лесу в Палюстрово и уже перед рассветом стояли перед маленьким деревянным домиком.

– Здесь я живу, – произнесла она потягиваясь. – Завтра воскресенье, можно спать, сколько хочешь.

– И правда! – согласился он. – Завтра воскресенье.

Настя ничего не ответила. Постучала в окошко. Заспанная растрепанная женщина с ребенком на руках приоткрыла двери и гаркнула:

– Черт возьми! Испугала же ты меня. *Думала*, что это снова полиция.

Девушка, не прощаясь с Ульяновым, вошла в сени и уже в их мраке кивнула ему головой. Он вошел. Слышал, как скрипнул ключ в замке, окружила его темнота, но скоро почувствовал, что сильные горячие руки обняли его и толкнули к дверям. Быстро обернулся, нашел в темноте упругое тело Насти, прижал к себе; начал целовать губы, щеки, шею и мягкие волосы, тяжело вздыхая и шепча путанные слова, неизвестно откуда приходящие ему на ум. Вошли в маленькую комнатку, ничего не говоря между собой...

Ульянов покинул халупу только во втором часу пополудни. Чувствовал усталость, какой-то неприятный осадок, презрение к себе и тоску. Как обычно, начал анализировать свое настроение.

– Тьфу, к черту! – буркнул он. – Красивая самка, ничего не скажешь! Мало таких ходит по земле... Смелая, ни о чем не спрашивала и ничего не требовала. Только зачем я ввязался в эту историю? Не смогу теперь говорить при ней спокойно и решительно. Она будет думать, что я все-таки ничем от этого инженера не отличаюсь.

Припомнил себе случайно брошенное слово Насти: «Хочу убедиться, могут ли эти специалисты сделать что-то настоящее. Если нет, то не стоит болтать и восстанавливать против себя. Нужно тогда другой давать себе совет».

Не стал он ее расспрашивать о том, что она думала, так как внезапно оплела его горячими руками и начала нежно прижиматься и ластиться, как кошка.

Два дня он не видел Насти, а когда ее встретил, возвращаясь с собрания, пошел за ней и провел ночь в темной каморке работницы.

Несколькими днями позже пришел к нему Бабушкин и сказал, что Настя устроила скандал на фабрике, ударила в лицо ухаживающего за ней инженера и побежала с жалобой в дирекцию.

– Что произошло? – спросил Ульянов. – Почему это сделала?

– Не знаю! – ответил рабочий. – Бешеная девушка! Знают ее хорошо во всем районе. Что-то взбрело ей на ум... кто бабу поймет?!

Засмеялся и начал говорить о приобретении нового гектографа для печатания нелегальных прокламаций.

В тот же вечер на собрание кружка пришла Настя, и после окончания чтения и дискуссии Владимир вместе с ней покинул помещение.

– Прогнала инженера! – воскликнула она со смехом. – Теперь ты у меня. Никого больше не хочу! Пойдем развлечемся в какой-нибудь ресторан, где играет музыка и где много света.

Он взглянул на нее с мрачным удивлением.

– Ходила туда со своим инженером? – спросил он.

– Ходила! Я все же не скотина, которая может всю жизнь провести в грязном хлеве, в потемках, не изведав ни одной радостной минуты, – парировала она. – Я хочу жить!

– У меня нет времени, моя дорогая! – буркнул он неохотно. – Я не хочу зависеть от этих вещей.

– А от каких? – спросила она и прищурила глаз.

«От борьбы», – хотел сказать, но раздумал он, так как припомнил себе, что совсем не боролся, чтобы завоевать эту девушку, а она, был убежден, думала, собственно, об этом.

– Скажи! – настаивала она.

– У меня нет времени ни на музыку, ни на свет в ресторане, – буркнул он. – Мне это не нужно.

– Но мне нужно! – воскликнула она.

– Дай себе совет сама! – сказал он грубо.

– Дам, – согласилась она без гнева и лениво потянулась, глядя на Ульянова из-под опущенных век.

Не знал, что делать с собой. Чувствовал неловкость и молчал.

– Иди ко мне! – шепнула она, прижимаясь к нему.

Считал это самым легким и простейшим выходом из неприятной ситуации. По дороге купил в уличном ларьке несколько мандаринов и коробку конфет.

Утром выходили вместе. Она на фабрику, он на конспиративную квартиру на Васильевском острове. Проводил ее до ворот здания прядильной фабрики Торнтонна. Настя взглянула на него хитрым, скрывающим иронию взглядом и сказала загадочным голосом:

– Буду всю жизнь гордиться, что имела такого любовника. Владимир Ильич Ульянов! Го, го, это не шутка!

– Не велика честь! – усмехнулся он вынужденно.

– Не говори, чего не думаешь! – запротестовала она. – Знаю, что скоро вся Россия о тебе услышит.

– Пророчествуешь? – спросил он дерзко.

– Может... – ответила она и быстро вошла в ворота, так как фабричный гудок заревел ужасно.

Ульянов избегал с тех пор встреч с девушкой. Работал теперь в отдаленном районе, в кружках Путиловских заводов, и завязывал отношения с мастерскими военно-морского флота в Кронштадте; было это предприятие чрезвычайно опасным, так как военные власти держали матросов и рабочих в строгом повиновении. Только возвратился он из Кронштадтской крепости, как влетел к нему Бабушкин.

– Плохо, Ильич! – начал он уже с порога. – Знаешь, что произошло? Настя Козырева нашла себе любовника!

– Наверное, не первого? – спросил безразличным голосом Ульянов.

– Не шути с этим, товарищ! – одернул его рабочий. – Может рассыпаться вся наша организация! Эта девка связалась со старшим вахмистром жандармов! Понимаете?

– Почему не могу понять? – пожал он плечами. – Я убежден, что ничто нам не грозит. На всякий случай перенесите гектографы в другое помещение. Лучше будет, если перевезете в столовую Технологического Института и передадите моему товарищу Герману Красину. Хотя я ничего не опасаюсь.

– Жандарм вытянет из нее секреты, так как для этого, наверное, с ней связался, – сказал Бабушкин, весьма возбужденный и беспокойный.

– Э-э! – махнул рукой Владимир. – Есть у ней другие приманки, кроме тайн наших кружков, милый товарищ! Думайте, что все будет хорошо!

В самом деле, хотя и видели Настю, проводящую целые вечера с молодцеватым интересным вахмистром в ресторанах и театриках, организация долго не имела никаких неприятностей.

Бабушкин встретил девушку на улице и хотел пройти незаметно, но она задержала его и сказала:

– Передайте Владимиру Ильичу, чтобы он был о своем деле спокоен, а обо мне скажите ему, что я хочу жить и не создана быть монашкой или книгоедом. У меня много ненависти, но

еще больше радости. Хочу для себя пожить, чтобы эта радость не умерла раньше времени, так как что мне тогда останется делать? Утопиться, повеситься или выпить карболки? Еще пока погуляю, насмеюсь, наслажусь досыта, а дальше посмотрю. Может, к вам вернусь и умру на баррикадах. А пока что – хочу жить... Скажите ему об этом и будьте здоровы!

Бабушкин повторил этот разговор Ульянову. Владимир пожал плечами и произнес только следующее:

– Ну видите, товарищ, что ничего нам не грозит?

Забыли о ней скоро, когда внезапно он получил переданное через неизвестного рабочего письмо. Настя написала, предупреждая их, что тайная полиция следит за Ильичом, Бабушкиным, Шаповаловым, Катанской и учительницей Книпович, потому что установлено, что брошюры «Кто чем живет», а также «Король Голод», изданные тайно народной типографией и подписанные фамилией Тулин, принадлежат Ульянову.

Владимир не прервал своей работы, но скрывался так искусно, что никакой полицейский агент не мог его выследить. Несколько раз едва не схватили его на улице, но всегда спокойный и смелый революционер знал специальные планы города – сеть проходных домов, конспиративных логовищ; тайников в пивных, в складах угля и в сараях, стоящих на овощных огородах, тянувшихся в окрестностях Петербурга. Ускользал из рук шпионов и пускал в обращение все новые, очень сильные, решительные, беспокоящие правительство и схватываемые рабочими листовки и брошюры. Из всей группы преследуемых в тюрьму попала только учительница Книпович, преданная тайным шпиоком, наборщиком народной типографии, а вместе с арестованной несколько ее знакомых, не принадлежащих к партии, но скрывающих у себя нелегальные брошюры.

Ульянов порой затаивался в книжном магазине Калмыковой в центре города, где власти не ожидали встретить смелого революционера.

В течение времени своего пребывания в столице наладил он обширные конспиративные отношения, хорошо замаскированные. Имел даже надежного приятеля – Морсина-кочегара котлов в Аничковом дворце. Ульянов в период самых энергичных его поисков в предместьях провел у Морсина два дня. В рабочей блузе, измазанный углем, помогал он приятелю у печей, думая, что мог бы с легкостью совершить покушение на царя, но не делал этого, так как не видел никакой пользы от романтично-революционных действий сумасбродов.

Однако скоро полиция так ему надоела, осадивши его со всех сторон, что осталась ему одна дорога бегства – за границу. Требовал этого основанный Ульяновым и быстро расширяющийся Союз Борьбы за Освобождение Рабочего Класа. Настаивали также приятели, предугадывающие в молодом революционере, всегда веселом, искреннем, смело глядящим правде в глаза, незаурядного вождя.

Выхлопотали для него заграничный паспорт, и Ульянов исчез с глаз преследующих его агентов правительства, имея для иностранных властей запасной паспорт, выданный на фиктивную фамилию.

В Берлине Владимир остановился в маленьком отеле, поблизости от Моабита, осмотрел город и посещал собрания немецких социалистов. Здесь познакомился он с многими известными предводителями партии, но не нашел непосредственные нити, которыми он мог бы с ними связаться.

Понял, что все думали о парламентской работе, боролись на выборах за наибольшее число мандатов в Рейхстаг. Такой буржуазной идеологией был заражен даже наиболее энергичный из всех Карл Либкнехт, в чем Владимир скоро убедился.

Ульянов встретил его на собрании в Шарлоттенбурге и подошел к нему.

– Сообщили мне о вас, товарищ, – объяснился Либкнехт, услышав фамилию российского социалиста. – Мне сказали, что вы портите кровь Струве и Потресову.

Участники союза Борьбы за освобождение рабочего класса.

Фотография. Конец XIX века

– Всякое бывает, – ответил Владимир с улыбкой. – Хотел спросить у вас, товарищ, как долго немецкая социал-демократия будет так безнадежно топтаться на месте, как курица перед линией, нарисованной мелом на доске, тут же перед ее клювом?

– О какой линии говорите? – спросил Либкнехт.

– Линия эта парламентаризм, буржуйская ловушка для легковерных бедняков, – спокойно ответил Ульянов.

Немецкий социалист пожал плечами.

– Чего вы хотите? – буркнул он. – Нет у нас других способов.

– Вы, Германия, страна настолько индустриально развитая, располагающая целой армией рабочих, безработных и лишенных имущества крестьян, не имеете других способов?! – воскликнул с дерзким смехом Владимир. – Но это же полная капитуляция! Идете, следовательно, за жалованием к кайзеру...

Либкнехт внимательно посмотрел на говорящего.

– Наша партия не является достаточно энергичной для революционных выступлений и занята борьбой в сфере практических проблем экономических, – произнес он.

– Я тоже имел в мыслях практические экономические проблемы, поэтому полагаю, что лучше сразу завладеть целым домом, чем ждать десять лет, пока хозяин уступит за высокую цену одну комнату в подвале, – сказал Ульянов.

– Как это сделать, если в совокупности не является это утопией? – спросил Либкнехт.

– Как вы собираетесь это сделать, не знаю, – отвечал Владимир. – Скажу только, как это будет сделано в России, стране, лишенной больших фабричных центров, где общее число рабочих не превышает того, которым обладает каждый отдельный немецкий район промышленных. Не говорю о разнице интеллектуальной, товарищ!

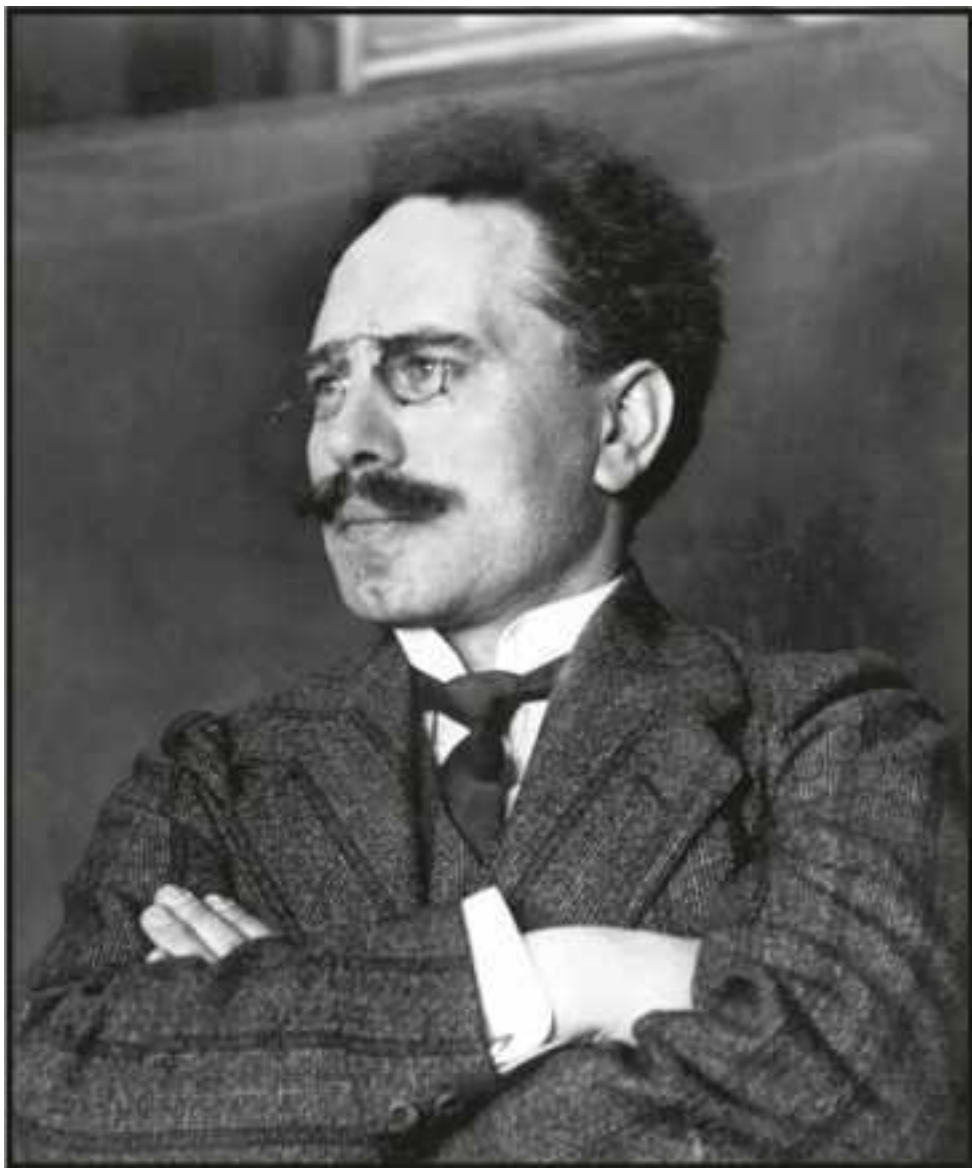
– Очень заинтересован! – отозвался немец.

– Задам вопрос: не думаете ли вы о том, что лучше организованная, дисциплинированная и решительная на все группа, бросившая хорошо продуманные лозунги, принципиально притягивающие трудящихся речи, может сделать революцию? Не считаете ли вы, что окажется она в состоянии раздробить существующее общество, ужаснув его жестоким террором, и с помощью этого средства взять в свои руки кормило власти над пассивной и колеблющейся частью класса, о котором идет речь? – спросил Ульянов.

– Думаю, что так оно и есть в действительности, – буркнул Либкнехт.

– Будет это совершено в России! – воскликнул Владимир. – И только этой дорогой конспирации и приведения к присяге идеологов можно дойти до цели. Раньше или позже и Германия выберет эту дорогу, так как другой нет, товарищ! Поверьте мне!

– Где вы нашли большую группу идеологов? – вздохнул Либкнехт, меряя взглядом небольшую, но плечистую фигуру стоящего перед ним человека с прищуренными пронизательными глазами.

Карл Либкнехт.

Фотография. Начало XX века

– Est modus in rebus⁹... – ответил Ульянов и начал разговор с Либкнехтом о возможности получения из партийной кассы немецких социалистов дотации на распространение марксизма в России для усиления общего фронта борцов за дальнейшую судьбу трудящихся.

После трехнедельного пребывания в Германии Ульянов прибыл в Париж. Ему было рекомендовано несколько адресов россиян, обучающихся в столице Франции. Его имя было им уже хорошо известно. Они показали ему Париж, где особенно заинтересовался Musee des Arts et Metiers, а также библиотеками, откуда его почти силой вытаскивали новые знакомые.

– Эх! – вздыхал он. – Если бы смог привезти все это в Россию.

Однажды влетел к нему молодой студент Аринкин и воскликнул радостно:

– Павел Лафарг, вождь французских социалистов, согласился принять вас, товарищ, на краткую беседу. Поспешим!

Ульянов засмеялся.

– Принять? Краткая беседа? Что же это за буржуазные слова?! Лафарг будет разговаривать со мной так долго, как я захочу!

Поехали к Лафаргу. Француз острым и дерзким взглядом окинул фигуру и монгольское лицо гостя.

– Вы, товарищ, россиянин? – спросил он с вежливой улыбкой.

– Да! – засмеялся Ульянов. – Вас, с уверенностью, поразили татарские черты моей особы?

– Признаю, что да! – отвечал он.

– У нас мало чисто русских типов! – парировал Владимир. – Прошу вспомнить, что триста лет были мы в татарской неволе. Азиаты оставили нам достаточно непривлекательные лица, но и весьма ценные черты характера. Мы способны на разумную жестокость и на фанатизм!

Лафарг с вежливой улыбкой кивнул головой и, меняя тему разговора, спросил:

– Хотел бы знать, какой, собственно, уровень интеллигентности русских социалистов?

– Наиболее интеллигентные изучают и комментируют Маркса, – со спокойствием отвечал гость.

– Изучают Маркса! – воскликнул француз. – Но понимают ли?

– Да!

– Выдумка! – выкрикнул Лафарг. – Они его не понимают! Даже во Франции никто его не может понять, а однако наша партия существует уже двадцать лет и постоянно развивается!

– Зато понимают Маркса Лафарг и другие вожди, – заметил Ульянов. – Этого достаточно! Массы любят руководствоваться чужим разумом и быть под твердой рукой.

– Товарищ так думает? Удивительно это звучит из уст социалиста! Где свобода и уважение к коллективу? – спрашивал француз, со все большей заинтересованностью слушая хриплую речь россиянина с неприятным для парижанина акцентом.

– Свобода является буржуазным предрассудком. Коллектив извлекает пользу из разума незаурядных руководителей, и этого ему должно хватать! Впрочем, для пользы коллектива должен он быть управляем железной рукой, – сказал спокойно и убежденно Ульянов.

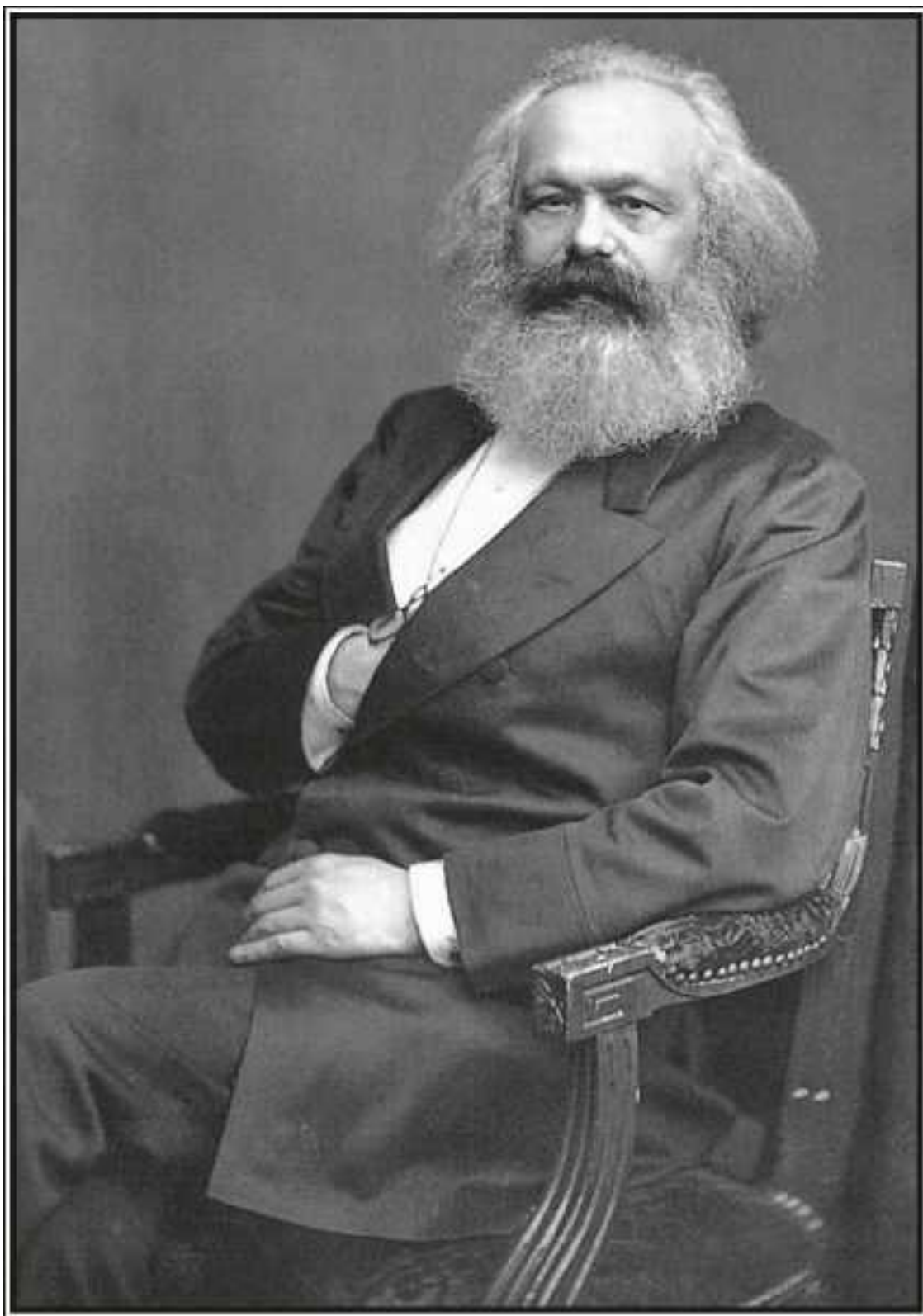
– Тем самым, царь является для вас идеальным типом властителя, товарищ!

– Для меня – нет! Для коллектива, из которого вышел царь, да! Царь не думает о всероссийском коллективе, а только о дворянстве и буржуазии... – ответил Владимир.

Разговаривали еще долго. Провожая гостя, Лафарг шепнул ему:

– Хотел бы дождаться времени, когда вы, товарищ, начнете действовать согласно своему плану!

– Надеюсь, что время это приближается, магистр! – ответил Ульянов.

Карл Маркс.

Фотография. Конец XIX века

Несколькими днями позже сидел он в маленькой кофейне в Женеве, любясь бирюзовой гладью Леманского озера. У столика заняли места испытанные российские революционеры, пребывающие издавна в изгнании. Были это Плеханов – отец российского социализма, Аксельрод – его организатор, и Вера Засулич – его знамя.

Ульянов с уважением смотрел на строгое лицо Плеханова и его нависшие брови. Научился от него многим нужным вещам, читая книжки и статьи старого революционера в нелегальных российских заграничных журналах. Всматривался с обожанием, с трогательной любовью в эти стиснутые упорные уста, которые произносили никогда не забываемые слова, огненными отголосками запечатленные в душе Ульянова: «Добро революции вершит наивысшее право! Лишение тиранов жизни не является убийством!».

Прекрасные, сильные слова великого вождя и учителя! Такие понятные, дорогие для Ульянова, так как шептал их еще устами юноши, носящего гимназический мундир. С умилением смотрел на Аксельрода – человека-машину, пишущего с утра до ночи, мчащегося из города в город, контролирующего, советующего, приводящего в движение весь механизм партии, забывающего о себе в пламенном бурном порыве.

Владимир произвел на всех сильное впечатление. Интуитивно почувствовали в нем неисчерпаемую силу, негибаемую волю и необычайную сметливость революционную, поддерживаемую на понимании души общественных слоев и обстоятельств, в которых приходилось действовать. Говорил мало о партийных делах, тем более что ощутил холодок, которым веяло от всей фигуры Плеханова. Старый лев был разгневан на этого юнца, который осмелился выламывать из программных мероприятий рядовых социал-демократов.

Владимир говорил о своих заграничных впечатлениях, не скрывая восторга от цивилизации Запада.

– Чего бы мы не достигли при таких материальных и технических средствах! – воскликнул он. – В это время у нас, если хотел бы сказать откровенную правду, то кроме царя, собственно, у нас некого ограбить! Нищий на нищем! Прекрасные здесь творения. Такие прекрасные, что с трудом и болью в сердце поднял бы на них руку!

– Что же, в России ничего бы, товарищ, не пожалели? – спросил Аксельрод.

– В России ничего! – ответил без колебаний. Чего бы жалеть? В России бить и ломать легко! Били нас более тысячи лет со всех сторон все, кто хотел! Варяги, печенеги, татары, поляки, самозванцы, шведы, наши цари, полиция. Деревни сжигают тысячами в каждом году, как фуры соломы. Тысячи людей умирают от болезней и голода. Чего нам жалеть на нашей безграничной плоскости, покрытой лесами, глиной и болотами тундры? Наших курных хат со зловонными крышами из гнилой соломы? Этих полных спертого воздуха берлог, где люди влачат подлую жизнь рядом с коровами и телятами, едят из одного таза; на одной кровати размножаются, рождаются дети и умирают? Нашей жизни каторжников, без идеи, полной суеверий: от пожертвований домашним бесам до восторга западным парламентаризмом? Вокруг нас пустынные места, где или нас били, или мы убивали. А посередине всего первобытный, темный, как девственный лес, российский мужик, слуга Бога, слуга царя и слуга дьявола.

– Однако наши города, наше искусство, литература... – запротестовала Засулич.

– Города? – повторил Ульянов. – Они где-то далеко, впрочем, это пока большие села. Порой прекрасные центры, а тут же рядом нужда! Искусство, литература? Красивое ненадежно! Но Пушкин – метис и придворный, Щедрин – губернатор, Толстой – граф, Некрасов, Тургенев, Лермонтов, Державин, Жуковский – дворянство, буржуазия! Все искусство вышло из усадеб и дворцов или было вдохновлено врагами рабочего класса. Ненависть к этим творцам является более сильной, чем восторг их творениями!

– А на Западе, на прогнившем Западе, товарищ? – спросил со строгим блеском холодных глаз Плеханов.

– Как можно сравнивать?! – воскликнул Ульянов. – Здесь на каждом шагу могучее, гениальное воплощение в реальные формы организованной воли людей, стремящихся к тому, чтобы с гордостью сказать: «Мы оказались в состоянии направить первобытные силы природы в русло разумных потребностей человека! Мы являемся хозяевами земли!».

– Что за восторги! – засмеялась Засулич. – Не знаете вы этого рая и хозяев земли!

– Быть может, – согласился он спокойно. – Восторгает меня то, что уже сделано. Но вижу также слабые стороны. Западный человек чрезмерно верит в достоинство человеческого существа, питает избыток уважения к своей работе и чувствует собственное достоинство. Словом, является индивидуалистом. Это порождает безграничный эгоизм. В это время великие, небывало великие дела будут совершать механизированные массы, приведенные в движение властным твердым интеллектом, управляющим, понимающим общечеловеческие, коллективные цели!

– Далекие видите перед собой горизонты! – заметил Плеханов.

– Вижу отчетливо, следовательно, близкие! – парировал Ульянов.

– Запад должен погибнуть из-за парламентаризма, который пожирает его, как проказа. Наша задача – обезопасить Россию перед этой неизлечимой болезнью!

– Смелая мысль! – шепнул Аксельрод.

– Здоровая и светлая! – поправил его Ульянов, вставая и прощаясь с новыми знакомыми.

Глава VIII

Осенью Ульянов вернулся в Петербург. Долго не мог упорядочить и конкретизировать все свои заграничные впечатления. Должен был, однако, признать, что Запад внушил ему уважение.

«Там только можно понять слова Максима Горького, который вложил их в уста одного из своих героев: «Человек – это звучит гордо!». Столько работы, напряжения мысли, замечательного и смелого творчества! Эти народы испускают из своего лона «сверхлюдей», – думал Владимир.

Санкт-Петербург. Фотография. Начало XX века

И внезапно это последнее слово – «сверхлюди» – вызвало сомнение. Начал размышлять.

«Творец, воздвигающий прекрасное здание из «Тысячи и одной ночи»-; скульптор, вытесывающий из мрамора прекрасную скульптуру; художник, создающий гениальную в форме и цвете картину; поэт, пишущий звонко звучащие строфы; литератор, умещающий в одном эпосе совокупность мира – являются «сверхлюдьми»? Гм! Гм! Не являются ли они, однако, пожалуй, слепцами или никчемными фальсификаторами, обманывающими человечество? Разве можно спокойно творить, когда вокруг царит притеснение, нужда, извечная формула *homo homini lupus est*¹⁰? По какому праву они злоупотребляют своим гением, творя что-то нужное тысячам, в то время когда миллионы бедняков не имеют сил, чтобы доползти до этих вдохновенных творений и поднять на них глаза? Как можно заглушать стоны, рыдания и проклятия притесняемых скопищ звонкими стихами и гениальной музыкой? Кто отважится учтиво отвращать внимание человечества от ежедневных мучительных забот, направляя его на великие явления в историях этого мира, историях, которыми руководят могущественные и сильные, а убогие и слабые имеют право только умирать в молчании, за что воздвигают им коллективные памятники с надписью, что полегло их в таком и таком месте, столько или больше тысяч? Эпос, великие литературные творения! Никто со смелостью и учтивостью не сказал никогда напрямик и без лицемерия: «Прочь с прогнившим обществом, в котором может существовать Лувр, картины и скульптуры великих мастеров, всемогущая наука, а рядом – тюрьмы, наполненные под самую крышу нарушающими пределы искусственных норм общества людьми, а дальше, на

восток – крытая гнилой соломой хата, а под ее стеной старая знахарка, бьющая доской беременную деревенскую девушку по выступающему животу!» Все, все обманывают себя: и поработители, и рабы! Пытаются прийти к соглашению в парламентах, охраняемых армией и полицией... Нет! Никогда самый большой гений не предотвратит зла! Здесь нужна коллективная воля, не знающая жалости, гнев обвинителя и судьи в одном лице, не определяющим перед собой другой цели, кроме полной победы».

Мысли эти шаг за шагом привели его к решительным предложениям. Был убежден, что не может рассчитывать на помощь заграничных товарищей, вернее, ожидал возражения, удара сзади. Улыбнулся почти весело и, видя входящего в комнату партийного товарища, воскликнул, сжимая ему руку:

– Петр Великий прорубил окно на Запад и впустил в затхлую Россию веяние свежего ветра, теперь мы откроем окно в Европу с Востока, и из него вырвется разрушительный ураган, товарищ!

Рабочий смотрел на Ульянова с изумлением. Тот похлопал его по плечу и произнес с улыбкой:

– Это так! Отвечал вслух своим мыслям!

Они уселись и начали совещаться о печатании новых прокламаций, которые должны быть разбросаны на фабриках в связи с ожидаемой забастовкой.

Снова началась скрытная агитационная работа.

Полиция узнала вскоре о возвращении опасного революционера, умеющего выскользнуть из рук преследующих его шпииков.

Ульянов был спокоен, как обычно, и с педантичной обстоятельностью осуществлял свои дела. Его статья всегда была подготовлена для печатания в назначенный срок, а он всегда в определенный час появлялся на партийных собраниях, вовремя печатал листовки на гектографе и раздавал их приходящим в назначенное место распространителям.

Работал как машина, холодная, исправная, точная. Питался чем придется, спал едва несколько часов, постоянно скрываясь в разных, хорошо знакомых и безопасных местах.

Проходя однажды ночью через Васильевский Остров, он заметил человека, не отстающего от него ни на шаг. Ульянов задержался, притворившись, что читает наклеенное на стену сообщение правительства по вопросу призыва, и ждал спокойно. Идущий за ним незнакомец, миновав его, пробормотал:

– Товарищ, район окружен полицией. Спасайтесь!

Владимир поблагодарил незнакомца. Никогда его прежде не видел.

««Может, какой-то шпиик?» – подумал он и пошел дальше, внимательный и готовый в любую минуту скрыться во дворе ближайшего дома, выходящего на три улицы. И вскоре убедился, что на всех углах торчали таинственные фигуры гражданских людей и патрули полиции.

«Облава... – догадался он. – Ждут, пока не наступит ночь».

Взглянул на часы. Время приближалось к семи вечера. Вошел в ближайшие ворота и спрятался на лестничной клетке. Просидел там, демонстративно читая архиконсервативного «Обывателя», вплоть до девяти часов. Наконец, выглянул из ворот. Шпики и полицейские остались на своих местах.

Ульянов пошел на другую сторону улицы и углубился в темную челюсть узкого заулка. Заметил здесь желтый, поцарапанный, грязный каменный дом с горящим фонарем, на котором чернела полустертая надпись «Ночной приют».

Вошел в сени и протянул ночному сторожу пять копеек, прося о месте. Одноглазый человек, сидящий у конторки, оглядел его подозрительно. Светлый, беспокойно бегающий глаз ощупывал фигуру клиента. Ничего подозрительного, однако, он не заметил. Обычный рабочий в обтрепанном пальто, перекошенных ботинках с голенищами и замасленной шапке.

– Безработный? – бросил он вопрос.

Ульянов молча кивнул головой.

– Паспорт! – произнес старик и протянул руку, покрытую большими веснушками.

Прочитал переданную ему бумагу, выписанную на фамилию Василя Остапенко, крестьянина из Харьковской Губернии, наборщика. Записал в книге, спрятал деньги в коробочку и со звоном бросил на стол латунную жестянку с номером.

– Второй этаж, третье помещение, – буркнул он и, достав из-под конторки чайник, налил чай в засаленный, давно не мытый стакан.

Ульянов отыскал свое место в темном, закопченном помещении, где господствовал спертый воздух по причине облаков табачного дыма и тридцати пахнущих потом, водкой и грязным бельем фигур, лежащих на нарах в свободных и живописных позах. Некоторые клиенты приюта были полностью нагие, имели гноящиеся нарывы на теле и раны на натруженных ногах. Они ловили на себе вшей и ругались, браня всех и богохульствуя. Никто еще не спал. Гомон разговора долетал также из других помещений, выходящих в узкий коридор.

Заметив нового клиента, какой-то бородатый, полунагой детина крикнул:

– Граф, соблаговолите подойти! Тихо, хамы, закройте рот перед высокородным незнакомым господином! Почтение господину графу!

– Почтение и вам, генералы! – ответил Ульянов, весело смеясь.

– Почему вы думаете, что я генерал? – спросил изумленный детина.

– Потому что они все скоро будут так выглядеть. Думал, что уже началось с вас! – отвечал он, снимая пальто.

Все начали смеяться.

– Думаешь, что так будет? – задал вопрос старый нищий, одетый в лохмотья.

– Скажи, – потребовали от него и другие.

– Как же может быть иначе?! – ответил он. – Или думаете, что на века хватит нам терпения, чтобы помирать с голоду и ютиться по таким грязным логовищам? Нет, братишки! Хватит этого! Только посмотрите, как загоним генералов, графов и всяких господ в эти дыры, а сами будем жить в их дворцах.

– И то, гордый пассажир! – восторгались соседи. – Болтает как по книжке, и что слово, то чистое золото! Время уже братья за дело и покончить с этими собаками. Хватить пить нашу кровь!

– Страдать и молчать нужно! – отозвался внезапно тихий голос с нар, тонущих во мраке. – Страдать и молчать, чтобы быть достойными замученного Христа Спасителя.

Сказавши это, какой-то немолодой, мрачный мужик начал шумно царапать себе грудь. Уселся и начал осматривать пойманных насекомых и давить их на кривом, крупном, как копыто, ногте.

Ульянов засмеялся издевательски и спросил:

– Вошь?

– Вошь! Это уже пятая; все нары заражены, – проворчал мужик.

– Страдать и молчать нужно! – повторяя его, произнес Владимир. – Не можешь выдержать укуса вши, а говоришь о терпеливости, милый брат! Или нас хочешь обмануть, или себя самого, христианина!

Слушающие рывкнули смехом. «Христианин» больше не отзывался.

– Эх! – воскликнул нагой детина. – Если бы так меня к судье вызвали, я бы там долго не говорил. Ножом по горлу и в ров. Столько этой ненависти во мне накопилось, будто вшей и клопов в нарах. Эх!

– Может, дождетесь, товарищ! – утешил его Владимир.

– Ой! Хотя бы один-единственный такой денек прожить. Зато позднее даже умереть не жаль! За всю несправедливость, за всю нужду!

– Может, дождетесь, – повторил Ульянов, укладываясь и кутаясь в пальто.

Ничего больше не говорил. Проводящие в приюте ночь бедняки тихими голосами рассказывали о своих страданиях, нужде и жизненных невзгодах. Один за другим замолкали и засыпали.

Ульянов не мог заснуть. Ожидал полицейские проверки и чутко прислушивался. Где-то недалеко часы пробили полночь. В приюте господствовала тишина. Люди, придавленные колесом жизни, сползающие сюда отовсюду, как бы покалеченные насекомые, проваливались в тяжелый, беспокойный сон.

Внезапно Ульянов услышал отчетливый шорох и тихий шепот:

– Ванька, пошли! Уже можно...

Два человека выскользнули из полутемного помещения, освещенного повешенной высоко под потолком керосиновой лампой, ужасно коптящей, и исчезли во мраке коридора.

Скоро раздались осторожные, крадущиеся шаги, и в помещение со спящими фигурам, мечущимися и похрапывающими во сне, вошли два мужчины и две женщины. Немного погодя все лежали уже среди других на грязных нарах, шепча неразборчиво, как если бы трещащие где-то за печкой сверчки. Минутой позже раздались отголоски поцелуев.

Из коридора донеслись внезапно тяжелые шаги нескольких людей и громкие возгласы:

– Проверка во всех помещениях одновременно! Торопитесь!

На пороге выросли фигуры плечистых полицейских и сторожей с фонарями. Вошли в помещение, будили спящих людей, срывали покрывающие их лохмотья, обыскивали одежду и просматривали паспорта, светя в глаза, шурящиеся от света фонаря и сильного испуга.

Ульянов, не поднимаясь с нар и охая, вытащил свой паспорт. Полицейских посмотрел его, записал фамилию в книжку и вернул документ. Проверка шла дальше среди вздохов, испуганных голосов ночных поселенцев приюта, угроз полицейских, пренебрежительных ругательств.

Один из сторожей издал внезапно ужасный крик:

– Ах, блудница, развратная ведьма, дьяволица! Такой разврат в приюте?!

Владимир осторожно поднял голову. Увидел стоящую в свете фонарей немолодую уже женщину с изношенным, испитым лицом. Растрепанные волосы спадали на худые обнаженные плечи и истощенную грудь. Стояла она, широко открыв раздутые губы и скаля гнилые, поломанные зубы. Смотрела дерзким, злым, строгим взглядом.

– Прочь отсюда! В женское помещение! – крикнул сторож, топая ногами и поблескивая одним глазом. – Такая паршивая овца испортит все стадо!

Женщина рассмеялась беспечно.

– Э-э! Здесь, как вижу, не одна паршивая овца! – засмеялся полицейский и стащил с нар маленькую, может, пятнадцатилетнюю девушку с детским еще личиком. Совершенно нагое, щуплое, верткое тело ее извивалось как змея в руках крупного мужчины.

Ульянов с интересом приглядывался к целому инциденту. Сторож бил кулаками громадного детину, рядом с которым нашли девушку, и кричал:

– Забирай свои лохмотья и прочь из приюта, сейчас же, или велю прогнать тебя с треском!

– За что? – притворно удивленным голосом спрашивал детина, как бы ничего не понимая. – Если бы пропала у меня из кармана копейка, сторож бы не гневался на меня, а что на несчастье выпала девчонка, сразу шум! Удивительный характер у господина сторожа!

Девушка в это время, наконец, нашла свои грязные лохмотья, быстро оделась и стояла, упершись руками в бока. Голос ее, как толченное стекло, звенел резко и пронзительно. Кричала, как если бы сошла с ума.

– Собаки нечистые, палачи, падаль воючая! Загнали меня в темную яму и не позволяете защищаться, как могу, от смерти голодной! Чтобы вас виселица не миновала! Чтобы вам плохая болезнь встретилась! Ой, горе вам! Придет для вас время, когда вы за все ответите перед народом! Тогда я стану перед ним и расскажу то, что знаю о вас, собаки, разбойники, палачи, мучители! Тьфу! Тьфу!

Плевала она на полицейских, сторожей и бросала все более ужасные и омерзительные слова. Ее вытолкнули из помещения.

Проверка прошла благополучно. Почти все документы были в порядке. Один только «христианин» возбудил подозрения какой-то неточностью в паспорте и был взят в полицию. Владимир усмехнулся злобно и подумал: «Так ему и надо! Пусть теперь страдает и молчит... Пророк, к черту, лакейская прогнившая душа!».

Остальная часть ночи прошла спокойно. На рассвете сторожа принесли кружки, большой чайник с чаем и хлеб. После еды ночевавших выгнали из приюта. Ульянов вышел, скрываясь в их скопище.

Шел, думая о молодой девушке, имеющей грозные змеиные глаза.

– Хотел бы ее встретить! Дал бы ей листовки для распространения, потому что такая уже ничего не страшится. Ей нечего терять...

Надежда Константиновна Крупская.

Фотография. Конец XIX века

Не встретил ее, однако. Лабиринтом мало посещаемых улочек и узких закоулков направился он в сторону Невской Заставы. У него были там друзья, но они сказали ему, что не может их посетить по причине того, что квартиры находятся под надзором полиции. Подсказали ему, однако, школу, где найдет рабочего, занимающегося побелкой потолков и стен, и сможет ввести в заблуждение шпики. Учительницей в школе была знакомая Ульянова – Надежда Константиновна Крупская, партийная социал-демократка, имеющая широкие контакты, смелая и деятельная, хотя молчаливая и застенчивая. Встречал он ее у социалистов, «жаворонков либеральной буржуазии», у Калмыковой и у Книпович. Не была вовсе красивой, вернее, была даже непривлекательной, однако, оставила о себе теплое и радостное воспоминание. Состояло оно

в ее уравновешенности, спокойствии, никогда не исчезающей безмятежности и глубокой веры в идею, которой служила. Тихая, скромная, неразговорчивая учительница умела слушать и понимала каждое проявление мысли и настроения встреченных людей.

Ульянов знал, что принадлежала она к его немногочисленным друзьям из слоев революционной интеллигенции; слышал даже, что вела ожесточенные споры о нем со Струве и другими петербургскими социалистами.

Провел он в школе несколько дней. Много между собой разговаривали.

Владимир, который всегда помнил о своей цели и в разговорах никогда не давал увлечь себя порывом, фразеологией, мечтательностью, создавая впечатление совершенно обычного, при госпоже

Крупской забывал о серьезной дисциплине с точки зрения самого себя и признавался ей в самых тайных своих мыслях.

Увидев в ее спокойных, разумных глазах глубокое сочувствие для себя и немой восторг, задумался вдруг. Показалась она ему созданной для него женой. Так как он ничего от жизни не требовал для себя. Она готова была в любую минуту всем пожертвовать для дела. Читала много, имела дар критиковать и рассудочную оценку, знала иностранные языки и ничего не боялась. Могла стать наилучшей помощницей, прямо идеальным, самым верным другом.

Он посмотрел на нее внимательно и спросил, щуря глаза:

– Что бы вы сказали, если бы узнали, что я совершил что-то такое, определяемое словом «подлость» или «преступление»?

Она подняла на него спокойный, погожий взгляд и тотчас же ответила прямо, без экзальтации:

– Не сомневалась бы, что сделали это для пользы идеи.

Ульянов тихо засмеялся и потер руки.

– А если бы воскликнул внезапно с пафосом, как Чернов: «Надежда Константиновна, буду диктатором всероссийским?!», – спросил со смехом.

– Поверила бы без колебания! – отвечала она, глядя на него мягко и искренне.

– Гм, гм! – буркнул он. – В таком случае, думаю, мы сделали бы мудро, связав наши жизни и идя по ней вместе до самого конца... до виселицы или... до диктатуры, Надежда Константиновна!

Владимир Ульянов-Ленин.

Фотография из полицейского архива. Декабрь 1895 года

Она опустила на мгновение глаза и спокойно, без волнения произнесла:

– Сказала бы «да», если вам это подходит, товарищ!

– Подходит!

Больше об этом не говорили. Впрочем, не могли говорить, так как ночью в школу ворвался посланный Бабушкиным рабочий и сообщил им, что около дома уже крутятся шпики. Ульянов убежал в сторону императорской фабрики фарфора. Несколькоми днями позже переселился он в центр города, где в случаях обостренного преследования чувствовал себя всего безопаснее. Однако полиция шла уже по его следам.. В декабре была устроена облава почти во всем городе. Были проверены квартиры всех подозрительных особ, не исключая даже либералов.

Ульянов был схвачен и посажен в тюрьму. Крупская доставляла ему книжки и уведомила Марию Александровну об аресте сына. Старушка приехала в Петербург и навестила Владимира. Он успокоил ее, что ничего серьезного ему не грозит, так как жандармы имели только подозрения, но не нашли никаких отягчающих причин.

Так было по существу. Даже его не отдали под суд и по распоряжению полицейских властей сослали в Сибирь на три года.

– Еду отдыхать в отпуск и на охоту! – уведомил он Крупскую из тюрьмы, послав ей взятую во временное пользование книгу с письмом, написанным молоком между печатными листами.

Глава IX

Третий год изгнания приближался к концу. Годы эти минули в почти совершенном спокойствии. Сибирские власти были значительно более либеральными и не старались притеснять политических ссыльных.

Владимир Ульянов жил в деревне Шушенское, недалеко от города Минусинска, расположенного на живописных берегах реки Енисей. Скоро после этого, как он покинул тюрьму, прибыла сюда со своей матерью Надежда Константиновна Крупская. Несколькими днями позже стала она женой Ульянова. Не чувствовали оба ни великих порывов, ни радости и счастья, которые для любящих сердец превращают всю землю в солнечный рай, а шум леса и дуновения ветра в волшебную музыку, неизвестную, божественную. Не чувствовали этого и об этом не думали. Подали друг другу руки, как два друга, соединенных узами не менее сильными, чем любовь и взаимная привязанность – верностью идее, более дорогой, чем собственная жизнь. Была она для них пищей, солнцем, ветром. С ее закатом наступила бы минута умирания для ее последователей и распространителей.

Ульянов полностью доверял Надежде Крупской, а она обладала ничем непоколебимой фанатичной верой в его силы. Время сибирского изгнания в красивом плодородном Минусинском краю провели они с пользой. Здесь в окончательной форме определились его мысли и был составлен план действий на будущее.

Владимир прочитал бесчисленное количество книг. Доставляли ему их из Петербурга друзья его и Крупской, а также живший в деревне Каратуз поляк, инженер горный, Евгений Рожицкий, который, хотя и занимал чиновничью должность, симпатизировал всем ссыльным.

Петр Струве.

Фотография. Начало XX века

В изгнании Владимир закончил свою работу о развитии капитализма. Начал ее в тюрьме, где писал тайком молоком на обратной стороне листов печатных, заполненных невинными цитатами из произведений российских и зарубежных авторов. Только такая рукопись могла быть вынесена за тюремные ворота. Молоко наливал он в маленькую чернильницу, вылепленную пальцами из хлебной мякоти.

– Однажды в мою камеру шесть раз входили сторожа, следовательно, шесть раз выпивал чернильницу! – со смехом рассказывал Ульянов жене и со вздохом добавлял шутливо, – жалко, что рано выпустили меня из тюрьмы! Нужно было дольше поработать над той книжкой, так как здесь не так легко с нужными материалами!

В Сибири он нагревал листочки над лампой керосиновой, и написанные молоком слова темнели и показывались на белом фоне.

Ульянов читал и писал, не отрываясь от работы; вместе с Крупской, с устного разрешения Струве, переводил Энгельса и Вебба. Прирабатывать было необходимо, так как власть

назначила на содержание Владимира только восемь рублей в месяц, а Мария Александровна и сестра – Елизарова – присылали только мелкие суммы.

Единственным развлечением Ульянова становились далекие прогулки и охота. Стрелял самозабвенно по зайцам и тетеревам, но так как излишне спешил, добыча не была богатой. Делал это, однако, увлеченно и не пропускал возможности проведения времени за стрельбой в поле или в лесу.

Во время охотничьих походов узнал сибирского крестьянина, независимого, преисполненного веры в свои силы и почти не признающего представителей чужих ему властей центральных. Владимир, понимающий душу крестьянина приволжского, заметил разницу и похожесть между сибирским населением и населением российским.

Разница заключалась в том, что крестьянин сибирский не жаждал земли. Мог ее иметь в любом количестве. Не было там пространств, принадлежащих дворянству или предоставленных декретом царским чиновникам и военным за верную государственную службу.

Совершенно иначе чувствовали себя крестьяне российские. Помнили четко и никогда не забывали о том, что некогда, или при ханах монгольских, или при царях московских, земля принадлежала властителю и была возделываема и использовалась людьми от сохи. Только с Петра Великого, а особенно со времен царицы Екатерины II и Елизаветы, которые одаряли своих любовников земельными владениями, начали отбирать земли крестьян.

Крестьяне никогда этого не признавали и постоянно ждали «белую грамоту». Этот загадочный, мистический акт, воображаемый в мрачных глубинах крестьянского мозга, должен был вернуть захваченную незаконно землю ее природным хозяевам.

Несколько раз в истории российской наступали дни, когда крестьяне пытались отобрать ее самовольно, поднимали бунты, встряхивающие Россию со времен Екатерины вплоть до 1861 года, до манифеста Александра II о свободе.

Вспыхивали они и позднее, но в результате милитаризации страны и расширения административной сети имели характер местный и умирялись в зародыше. Крестьянин сибирский – потомок уголовных преступников, высланных в азиатские провинции империи, или потомок смешанного брака с монголами разных племен – мечтал об отделении от России, которую не любил и которую боялся как навязывающую свою систему, чужую, беспокойную и требующую больших издержек.

Однако же похожесть обоих типов крестьянских была поразительной. Оба были принципиально анархичны и пассивны. Привыкшие, в соответствии с давними традициями, к самостоятельному управлению в границах своего участка разумом крестьянской коммуны, жили, поддерживаемые в этой привычке через власть. Власти центральные были принуждены к отдаванию коммунах части своих задач, не имея возможности на таком большом пространстве дотянуться до каждого отдельного обывателя.

Оба типа отличались крайним бездействием. Слабо просвещенные, не стремились ни к какому прогрессу, и только государственная власть навязывала им смену образа жизни и системы хозяйствования.

Ульянов понимал это все и хорошо запомнил. У него не было ни малейшего сомнения, что крестьянство уступает повелениям власти исключительно под натиском силы, признавая за самых лучших властителей тех, которые отличались решительностью и способностью проявления беспощадной воли. Когда думал об этом, усмехался, потирая руки, и шептал:

– О, Карл Маркс, ты был великим знатоком души человеческого скотства! Интуитивно как никто другой ты почувствовал, что любит оно ходить в стаде, а стадо потребует пастуха с кнутом и собаку с острыми клыками.

Возвращался он из своих походов охотничьих веселый и возбужденный. Говорил жене:

– Моя дорогая! Мало знал российскую деревню, за исключением моей приволжской, но здесь прохожу ничем незаменяемый университет.

Рассказывал о своих наблюдениях и впечатлениях, спрашивая со смехом:

– Скажи мне только, кто и каким способом поведет за собой крестьянство. Никто, никаким нормальным способом! Крестьянина российского нужно гнать перед собой палкой Петра Великого, пулеметами или штыками современных губернаторов. А нам что остается? Еще более эффективный кнут, который нужно найти! Должен это быть, однако, такой бич, чтобы его щелкание разрушило небо и землю! Нужно это серьезно обдумать!

Ульянов задумывался над этим, блуждая без цели по степи. Доверялся только жене, а когда говорил, снижал голос, стискивал зубы и щурил глаза, как если бы видел перед собой врага. Видимо, ужасны были эти мысли и слова, так как Надежда Константиновна имела бледное лицо и от сильного испуга прижимала руки к груди. Однако не оспаривала, так как горела непоколебимой верой в этого человека, так грозно открытого и твердого, как камень.

Временами навешали они других ссыльных, разбросанных по соседству, но с ними Владимир никогда не разговаривал о своих самых тайных мыслях. Зная, что то, что решил, было для них неприемлемо. Не отошли слишком далеко от лояльного социализма немецких товарищей, и никакой из них не равнялся смелостью мысли с Плехановым, хотя и в своем учителе, после собственного знакомства с ним, Ульянов уже не был уверен.

Не любил частых посещений товарищей по изгнанию. Сопровождались они усилением надзора, проверкой, расследованием, слежкой шпииков, что нарушало покой, нужный для нормальной работы и глубокого раздумья. Кроме того, слишком близкие товарищеские приводили к столкновениям и недоразумениям на фоне личной жизни, сплетням, мелким ссорам и даже судам чести, достаточно частым в кругах расстроенных людей, измученных долгой ссылкой.

Ульянову для размышлений серьезных, почти аскетических требовались тишина и одиночество.

Пока что с ружьем на плече углублялся в степи. Сидел в тени берез и наслаждался видом безбрежных полей и зеленых лугов, покрытых буйной травой, прекрасными цветами, ярко окрашенными и одуряюще благоухающими ночными фиалками, белыми, желтыми и красными лилиями и другими без счета, с неизвестными ему названиями. Стада скота, овец и табуны лошадей паслись без надзора. На юге едва видимой синей полосой маячили далекие горы – предгорье Саян.

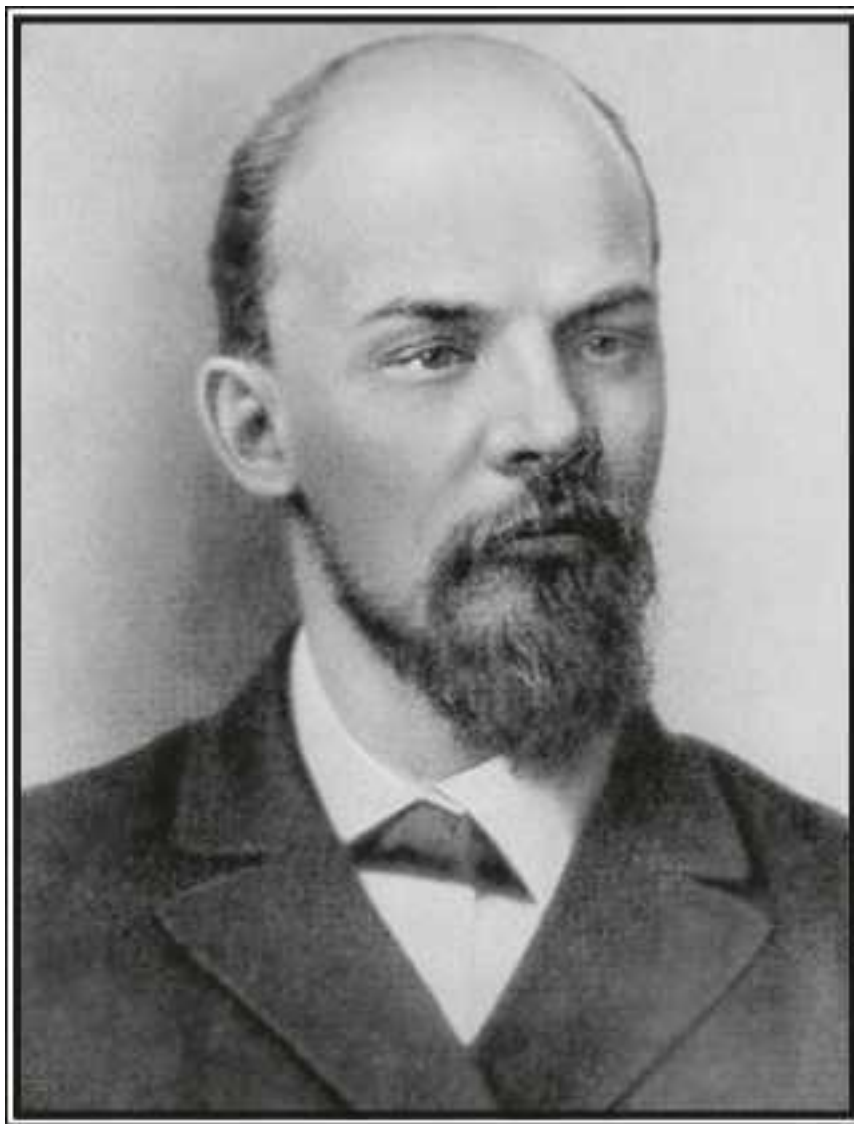
Редкие деревни, обширные, богатые, тянулись среди полей пшеницы и березовых рощ. В глубоких ярах и широких лугах бежали быстрые потоки и реки в направлении русла Енисея. Скрываясь в траве, сновали стайки тетеревов степных, перепелов и дроф. Высоко, как бы черное пятно на голубом своде погожего неба, парил громадный орел-беркут, высматривающий добычу. Кричал хищно, протяжно, тонко, как если бы жаловался, что не дано ему сил, чтобы все убить и разорвать. Здесь и там над травой и кустами поднимались столбы и плиты из красного песчаника. Были это дольмены, древние кладбища бесчисленных племен, в течение многих веков совершавших кочевки через плодородные равнины к неизвестной цели. Ульянов знал, что великие вожди монголов устремлялись этим шляхом на Запад, оставляя за собой трупы своих и чужих воинов, спящих целые века непробудным сном под красными монолитами.

«Далека была дорога и туманна цель внуков Чингис-хана, – думал Владимир, – а, однако, дошли до польской и венгерской земли, если бы не споры и не зависть, кто знает, не увидели бы их стены Рима и Парижа? Но и так зашли далеко, аж до Шленска, под Будапешт и Вену. Тем самым шляхом захватчиков мчатся мои мысли, шляхом, уже пройденным ордами без числа...».

По правой стороне Енисея тянулись большие деревни богатых казаков, поселенных здесь некогда царями для защиты южных границ Сибири. Остались они тут навсегда, так как никто

уже не думал о нападении на могущественную империю, которая как громадный паук раскинула широкую сеть, брошенную на почти пятую часть целой планеты.

Среди них в местах менее плодородных власть поселила отчужденных крестьян, бездомных бедняков, лишенных своих полей в России. И здесь, в этом красивом краю, вели они нищую жизнь – темные, ленивые, завистливые и злые. Воровали у казаков лошадей и скот, косили их луга, вырубали леса, вынимали из сетей рыбу, поджигали дома, а в стычках убивали богатых соседей.

Владимир Ульянов-Ленин.

Фотография. 1897 год

За рекой, дальше прибрежных скал, кочевали татары, сторожа табуны коней и стада овец. Отмахивались они от стай волков и от банд злых людей, безнаказанно нападающих на жестоких последователей воинственного пророка из Мекки.

Враждебность, никогда не проходящая, царила между двумя берегами Енисея, который, сжатый красными обрывами Кызыл-кайя, катился с плеском и глухим гулом, кружась и пенясь среди подводных камней и стремясь к океану, где господствовал белых дух, безумствующий в ледяных дворцах и отзывающийся грозным ревом северных вихрей, морозным дыханием смерти.

Здесь родились и формировались мысли Ульянова, смелые до дерзости, почти бешенства; здесь созревали и превращались в горячие и строгие клятвы, наподобие аскетичных порывов фанатичного пророка, наподобие мрачной молитвы сектантов, скрытых в лесных часовнях и берлогах отшельников, заглядывающих в потусторонний мир.

В это время он, преследуемый изгнанник, думал спокойно, холодно, без порывов и мечтательности о вещах обычных, появившихся из земли, а также ее слез, уже в минуту появления оплодотворенных через глухую, немую и слепую ненависть; перебрасывал мосты над пропастями; подрывал грозные крепости, вводил в заблуждение и влек за собой по ложному пути тысячи врагов.

Здесь, слушая плески быстрого течения Енисея, интуитивно чувствуя каждое вздрагивание могучих сил первобытной природы, шепоты теней, выходящих из-под красных камней с древних кладбищ, понимал, что среди борцов за судьбу угнетенных, призванных к строительству новой жизни, он был единственным, который располагал силой, волей и умением вождя.

Он мог погибнуть за решеткой тюрьмы, на виселице, от пули или на повторном далеком изгнании? Было бы это бессмысленной расточительностью сил, необходимых для великой цели!

Пришел к выводу, что не может оставаться в России – лакейской, темной, царской, неподвижной, как гниющий заросший ряской, водяными растениями и камышом пруд. Жаждал свободы, свежего ветра, свободы движения, глубокого дыхания и ничем не связанного действия.

Знал, что после ссылки его в Сибирь и после ареста воспитанных им учеников партия быстро клонилась к упадку. Ничего в ней не делалось; с трудом поддерживалась связь между оставшимися членами. Мелкая кропотливая работа над просвещением давала ничтожные результаты. Он чувствовал себя призванным для великого дела.

«Крушу скалы, пользуясь молотком для домашнего пользования, – думал он с горечью, – а в это время нужен молот. Тяжелый, сильный и сокрушительный! Была бы им большая российская газета, издаваемая за границей и распространяемая регулярно тайными каналами в России. Знаю, что будет она разрушающим и созидющим молотом, чувствую себя в силах взять его в руки и нанести им безошибочные удары».

С этой минуты изгнание его тяготило. Перестал спать, есть, ходил молчаливый и неспокойный, терзаемый горячкой работы и выполнения обдуманного плана.

С таким скрытым намерением, после окончания времени принудительного пребывания в Сибири, вернулся он в Петербург, оставивши жену в Уфе. Разъезжал по столице, пытался подробно состояние партии и настроения в революционных кружках, советовался с известными вождями социалистического движения и, поняв все, написал жене короткое письмо: «То, о чем думал я, глядя на минусинские степи и могучее течение Енисея, осуществимо или должно скоро осуществиться. Выезжаю за границу. Жди письма, после которого сразу же приезжай».

Ульянов уже видел перед собой созданный в мечтах молот, похожий на молот Тора, выковавшего острые дротики, щиты, панцири и мечи, разбивающие горы и головы врагов, бросаемых в мрачной Вальхаллу, откуда нет возвращения во веки веков.

Молот этот крушил и валил нагроможденные скалы противоречий, но, будучи инструментом уничтожения, не мог строить.

«Сперва сломать старье, уничтожить, искоренить, а позднее создавать новое!» – думал Ульянов, сжимая зубы и щурия раскосые глаза.

Глава X

В одной из маленьких пивных, которых сотни в предместьях Мюнхена, у столика около окна сидела скромная нарядная дама с серьезным, сосредоточенным лицом. Перед ней стояла кружка пива. Не прикасалась к ней, однако. Нетерпеливо поглядывала на часы. Явно кого-то ждала.

Часы над стойкой пробили одиннадцать часов.

В данный момент двери открылись, и в полутемное помещение вошел небольшой, плечистый мужчина в сером пальто и помятой мягкой шляпе. Осмотрелся внимательно. В этот час в пивной, где обычно собирались рабочие, никого не было.

Вошедший гость повернул раскосые глаза в сторону одинокой фигуры женщины в черном плаще и подошел к столику.

– Бахарев? – буркнул он.

Утвердительно кивнула головой. Мужчина уселся и вопросительно оглядел незнакомку.

К столику приблизился хозяин пивной.

– Светло? Темно? – задал он обычный вопрос.

– Пожалуйста, чашку кофе, – ответил гость.

Немец пошел в кухню, пыхтя трубкой.

– Доктор Иорданов? – спросила женщина.

– Йорданов...

– Вы издаете призывающую к борьбе за справедливость газету «Искра»?

Минуту колебался, но кивнул головой и шепнул:

– Допустим, что да, но что из этого следует?

Она сразу же отвечала:

– Хочу дать значительную сумму на издательство. Знаю, что редакция имеет постоянные финансовые хлопоты, типичные, впрочем, для нелегальных газет за границей, итак?..

Мюнхен. Центр города.

Открытка. Конец XIX века

Умолкла, так как приближался кельнер, несущий большую чашку кофе. Когда он отошел, продолжила дальше:

– Объясню все! Я сестра Бахарева, повешенного за организацию покушения на Николая II. Хочу мстить... но не царю, так как это ни к чему не приведет. Зло не только в царе. Не один, так другой. Весь строй виноват...

Человек с раскосыми глазами слегка усмехался и слушал.

– В «Искре» вы ведете борьбу с эсерами, называя их трусами, романтиками, мелкими буржуями. Так есть в действительности! Я знаю их хорошо! «Искра» опровергла теорию легальных социалистов, неотвратимо стремящихся к оппортунизму и подчинению буржуазным идеалам. В это время ваша газета стократно права, доказывая, что нет у них ни минуты для потери времени в создании настоящей партии социалистической и революционной, которая в самом тяжелом периоде должна начать борьбу против царизма, буржуазии и ее помощников среди эсеров, демократов и либералов!

– Гм, гм, – буркнул доктор Йорданов. – Вы действительно внимательно читали статьи «Искры», однако, не понимаю, что это имеет общего с намерением совершения мести за смерть террориста Бахарева,?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.